

Анти-Латур

Дэвид Блур

Почетный профессор, Школа социальных и политических исследований (SSPS), Университет Эдинбурга (UoE). Адрес: 15a George sq., EH8 9LD Edinburgh, UK. E-mail: d.bloor@ed.ac.uk.

Ключевые слова: социальный конструктивизм; социология знания; «сильная программа»; постулат симметрии; натурализм; акторно-сетевая теория; каузальность; материализм.

Статья является первой репликой в полемике Дэвида Блура и Бруно Латура. В ней приводится защита так называемой сильной программы в социологии знания и обсуждаются связанные с ней эпистемологические проблемы. Автор отвечает на критику Бруно Латуром субъектно-объектной оппозиции и постулата симметрии в социологии науки. В основе латуровской критики — карикатура на «сильную программу». Автор указывает на ее натуралистический и каузальный характер, а также на репрезентативную трактовку знания, являющуюся ее основным методологическим принципом. Знание в «сильной программе» понимается как институционализируемая система коллективных представлений, рассматриваемых как истинные и ложные, и именно непонимание этого факта, по мнению Блура, приводит Латура к неверной трактовке «программы» и дальнейшей критике принципа симметрии. Латур понимает природу как наивный реалист и начинает иссле-

дование науки с построения общих метафизических тезисов об автономности актора, основанных на генерализации конкретных исторических обстоятельств (в частности, истории Пастера и его лаборатории).

Во второй части статьи производится сравнение методов акторно-сетевой теории и «сильной программы» и ставится под сомнение новизна первого подхода. Автор говорит об обскурантизме и ненадежности латуровской терминологии. Даже несмотря на свой словарь «монад» и «энтелехий», он рассматривает социальные отношения, реальные исторические практики, а также интересы социальных групп, что сближает его с социологами «сильной программы». В заключение автор делает вывод о некритическом отношении Латура к проблеме релятивизма и реализма (в отношении к утверждениям и аргументам самих исследуемых акторов), а также о непродуктивности его позиции для современной социологии.

1. Введение

БРУНО Латур — страстный критик социологии знания в целом и ее «сильной программы» в частности¹. Тем, кто знаком с его книгами «Наука в действии», «Пастер. Война и мир микробов», «Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии»², будет очевидна важность этой кри-

Перевод с английского Григория Егорова по изданию: © Bloor D. *Anti-Latour // Studies in History and Philosophy of Science*. 1999. Vol. 30. № 1. P. 81–112. Публикуется с любезного разрешения автора.

Автор благодарит Хэнка ван ден Белта, Селию Блур, Мартина Куша и Стива Старди за полезные критические замечания и рекомендации, высказанные к ранней версии этой статьи. Оставшиеся недостатки полностью на моей совести.

1. Традиционную позицию в социологии знания можно назвать слабой программой. Она предполагает, что социопсихологические причины необходимо использовать только для иррационального, ошибок и отклонений от правильных норм и методологических принципов науки. Не считая этого, социолог может в лучшем случае только осветить общие условия, способствующие или препятствующие науке. Примеры этой позиции можно найти в работах Имре Лакатоса, Ларри Лаудана и Сьюзен Хаак (*Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / Пер. с англ. А. А. Никифорова // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / Под ред. Б. Р. Грязнова, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269; Laudan L. Progress and Its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth. L.: Routledge, 1977; Haack S. Towards a Sober Sociology of Science // The Flight from Science and Reason / P. Gross, N. Levitt, M. Lewis (eds). N.Y.: New York Academy of Sciences, 1996. P. 259–265*). Сторонники же «сильной программы» выступают за необходимость объяснения всех систем представлений в терминах каузальности, независимо от того, как аналитик может их оценивать. Наверное, стоит сразу отметить, что эти причины никогда не сводятся лишь к социальным. Такое ограничение было бы непоследовательным. Сенсорная стимуляция, производимая объектами окружающей среды, всегда играет ключевую роль. Рассмотрение подобного подхода можно найти в моих работах, а также у Барнса (*Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago: Chicago University Press, 1976; Barnes B., Bloor D., Henry J. Scientific Knowledge. A Sociological Analysis. L.; Athlone; Chicago: Chicago University Press, 1996*). Предельно важное, но часто представляемое в ложном свете требование «симметрии» будет обсуждаться в ходе данной работы.
2. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013; *Он же. Пастер.*

тики в его творчестве. Тем же читателям, которые знают о его работах лишь понаслышке или знакомы только с первым изданием книги «Лабораторная жизнь»³, представление Латура в качестве критика социологии знания может показаться неожиданным. Его работы и «сильную программу» в социологии знания часто относят к одному и тому же направлению — «социальному конструктивизму». Поэтому создается впечатление, что эти предприятия по сути своей сходны. Это впечатление усиливается тем фактом, что Латур хочет пойти дальше, чем социологи знания, чья работа, по его мнению, представляет собой некоторый компромисс. Он думает, что социологи недостаточно радикальны в своей критике науки⁴. Тем не менее в действительности два этих подхода совершенно противоположны. В глазах Латура социология знания провалилась, и она продолжит терпеть неудачу, если не примет совершенно новый подход, который качественно изменит ее характер.

Делая подобные утверждения, Латур намеренно связывает себя с позицией Роберта Мертона в социологии науки⁵. Мертон, как и Карл Мангейм до него и многие после, полагал, что социологическое исследование природы знания обречено иметь ограниченный характер. Оно сводится к описанию условий, способствующих росту научного знания или замедляющих его. В лучшем случае оно могло бы выделить причины, влияющие на направление научного исследования. Сам процесс познания при этом определяется методами и критериями, которые не происходят из наших институтов и конвенций и не зависят от них. Научное знание соответствует природе и разуму, а не обществу. Латур разделяет этот пессимизм относительно перспектив социологии знания, но приходит к такому выводу другим путем. Он не хочет возвращаться к утверждению автономии разума и природы. Более того, он считает, что социологи все еще находятся в плену у подобных идей. Чтобы двигаться вперед, они должны избавиться от их влияния. По его словам, мы должны сделать «еще один поворот после поворота социального»⁶.

Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015; *Он же*. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.

3. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. L.: Sage, 1979.
4. Latour B. One More Turn After the Social Turn: Easing Science Studies into the Non-Modern World // The Social Dimension of Science / E. McMullin (ed.). Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1992. P. 273.
5. Латур Б. Пастер. С. 76.
6. Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 272.

Я думаю, что Латур ошибается: нет никакого следующего «поворота», который нужно сделать. Я не говорю, что социологи знания уже выполнили свою задачу. Конечно же, нет. Фундаментальные идеи все еще нуждаются в прояснении, еще многое предстоит сделать как в эмпирическом плане, так и в теоретическом. Мой тезис состоит в том, что идеи Латура — это не путь вперед, а, наоборот, шаг назад. Чтобы обосновать эти утверждения, я представлю защиту «сильной программы». Сначала я сформулирую возражения Латура, а затем опишу его предложения по анализу знания. Мой вывод будет состоять в том, что его критика опирается на систематическое искажение позиции, которую он отвергает, а его собственный подход (в той мере, в какой он претендует на новизну) не работает.

Дабы не ограничиваться только ответом на критику Латура, позвольте мне обозначить более широкий круг связанных с ней вопросов. Неверные представления Латура о социологии знания проистекают из его позиции по поводу фундаментального принципа, который можно назвать субъект-объектной схемой. Она предполагает, что знание следует понимать в терминах взаимодействия между независимой реальностью — «объектом» знания — и познающим «субъектом», в теле которого воплощены его принципы рецептивности. (Обычно, хотя и не обязательно, говорят, что этот субъект конструирует «представления» об объекте.) Примечательно, что Латур хочет, чтобы социологи отказались от этой схемы. Разумеется, он не первый, кто видит в субъект-объектной схеме источник проблем, но нужно помнить, что существует множество способов ее интерпретации и множество различных уровней, на которых она может быть использована. Поэтому было бы удивительно, если бы субъект-объектная схема не имела сферы законного применения. Несомненно, у нее есть ряд интригующих ограничений (далее я приведу одно из них), но, в отличие от Латура, я не вижу преимуществ в том, чтобы принять нечто, полностью ей противоположное. Наоборот, я думаю, что при определенных интерпретациях есть все основания для ее сохранения. Поэтому в дальнейшем я воспользуюсь возможностью, предоставленной этим вызовом субъект-объектной схеме, чтобы снова поставить некоторые фундаментальные методологические вопросы из этой области, а также чтобы обратиться к некоторым распространенным ныне заблуждениям⁷.

7. Ценные и подробные описания позиций Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера и Людвиг Витгенштейна по поводу субъект-объектной схемы

2. Критика «сильной программы»

Латур утверждает, что и социологи знания, и их критики до него работали в рамках субъект-объектной оппозиции. Каждый предполагал, что при анализе знание нужно раскладывать на две составляющие: одна обеспечивается объектом, другая — субъектом познания. Теории знания — это просто наши рассказы о том, как различать эти два ингредиента, как они взаимодействуют и в каких отношениях находятся. Некоторые из этих теорий будут делать сильный акцент на сложности вклада познающего субъекта, другие — представлять его как пустой объем или чистый лист, ожидающий записей. Одни объяснения знания будут относиться к субъекту как к индивидуальному сознанию, другие будут отождествлять его с группой или культурой. Очевидно, что для последовательных социологов познающий субъект в конечном счете имеет социальный характер; словом, его можно назвать обществом. Какими бы ни были различия в нативистском, эмпирическом, индивидуалистическом или коллективистском подходах, общая схема всегда была одной и той же, полярность субъекта и объекта воспроизводилась в последующих построениях. Латур утверждает, что мы можем представить эту схему линией, как на рис. 1.

Хотя большинство таких теорий знания распределяют влияние между субъектом и объектом, обратите внимание на две крайние позиции на шкале. Они предполагают возможность избежать эклектизма или дуализма. С одной стороны, мы могли бы стремиться к чисто объективистской теории и пытаться объяснить все (включая общество) в терминах природы. С другой стороны, мы также могли бы обратиться к исключительно субъективистской теории и пытаться объяснить все (включая природу) в терминах общества. Латур относит «сильную программу социологии знания» к подходам второго типа. Она работает внутри субъект-объектной полярности, но занимает одну из крайних позиций.

можно найти у Мартина Куша и, со специальным акцентом на тему самосознания, у Эрнста Тугендхата (*Kusch M. Language as Calculus vs Language as Universal Medium. A Study in Husserl, Heidegger and Gadamer. Dordrecht: Kluwer, 1989; Tugendhat E. Self-Consciousness and Self-Determination. Cambridge, MA: MIT Press, 1986*). Куш, например, описывает, как в хайдеггеровском противостоянии этой схеме выражался его отказ от индивидуалистических и трансценденталистских тенденций у Гуссерля. Это важно для моей аргументации: отказ от индивидуалистической и трансценденталистской версии субъект-объектной схемы не предполагает полного отказа от нее. Для нее все еще может быть место в контексте, скажем, антииндивидуалистического и натуралистического анализа знания.

Рис. 1. Субъект-объектная схема

По словам Латура, в рамках «сильной программы» «общество должно было объяснять природу!»⁸

Чтобы понять значение характеристики Латура, я разъясню главную идею «сильной программы», а затем покажу, как она связана с его субъект-объектной осью. Основным момент программы — это так называемый постулат симметрии. Объектами социологического исследования должны быть как истинные, так и ложные, как рациональные, так и иррациональные идеи — в той мере, в какой их придерживаются коллективно. Все они должны объясняться одними и теми же типами причин. Во всех случаях исследователь должен распознавать локальные, контингентные причины представления (*belief*). Это требование было сформулировано в противовес господствовавшему ранее предположению, которое все еще защищают в широких научных кругах: истинные (или рациональные) представления следует объяснять путем ссылки на реальность, в то время как ложные (или иррациональные) — на искажающее влияние общества. Возьмем популярный среди критиков социологии знания пример: открытие Грегором Менделем законов наследования объясняется его наблюдениями за растениями в экспериментальном саду. Для объяснения же антименделевских утверждений Трофима Лысенко, напротив, достаточно указать на идеологию марксизма-ленинизма, сталинскую диктатуру и политический оппортунизм некоторых советских агрономов⁹. Постулат симметрии означает отказ от подобного подхода. Но какова альтернатива? Учитывая, что Латур относит «сильную программу» к крайнему субъективизму, социологу ничего не остается, кроме как «отказать обеим группам в доступе к реальности»¹⁰. Получается, что *ни* теория Менделя, *ни* теория Лысенко не имели ничего общего с «природой». И то и другое — не более чем проекции каких-то интересов или сложившихся образов мышления: «белый экран, на который

8. Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 278.

9. См.: Medvedev Z. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. N.Y.: Columbia University Press, 1969; Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.

10. Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // Common Knowledge. 1996. Vol. 5. № 1. P. 79.

общество проецирует свое кино»¹¹. Получается, что симметрия и субъективизм предполагают друг друга.

Латур справедливо отвергает сформулированный в таком виде принцип симметрии. Он утверждает, что, несмотря на свое название, он полностью *асимметричен*, поскольку наделяет объяснительной силой общество, лишая этой силы природу. Принцип симметрии не оказывает должного внимания явлениям и процессам вне области социального и не признает их вклад в наши социальные порядки. На первый взгляд может показаться, что сам Латур хочет обычным образом смешать компоненты общества и «природы», как будто уводя нас от предельных точек субъектно-объектной схемы, но это не входит в его планы. Он открыто отрицает подобный эклектизм, полагая, что мы не должны объяснять природу в терминах общества или общество в терминах природы, так же как не должны говорить, что знание — это их смесь. Мы должны объяснять и природу, и общество одновременно в терминах чего-то третьего, вещи или процесса. Общество и природа, как он выражается, «производятся совместно»¹².

По мнению Латура, социологическое объяснение тонкости и богатства научных результатов — безнадежная задача. В «Пастере» он отвергает возможность объяснить связанные с микробами открытия Пастера с помощью социальных фактов, касающихся самого ученого. Такие факты слишком редки, чтобы это выглядело убедительно:

Консерватизм, католицизм, любовь к законности, верность императрице, пыл, страсть — вот примерный перечень тех «социальных факторов», что влияли на Пастера. <...> Однако этого недостаточно, если мы подводим баланс всей научной деятельности¹³.

Могло быть много консервативных католиков-патриотов с такими чертами характера, но, в отличие от Пастера, они не обнаружили бактерию сибирской язвы. Видимо, для такой амбициозной

11. *Idem*. We Have Never Been Modern. N.Y.: Harvester, 1993. P. 53. Параграф "What is a Quasi-Object?" (Ibid. P. 51–55) был добавлен Латуром в английском издании книги. Русский перевод был сделан с французского издания, поэтому в нем эти страницы отсутствуют. Отдельный перевод данного параграфа см.: Латур Б. Что такое квази-объект? / Пер. с англ. А. Писарева // Сигма. 08.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/brunolatur-o-kvazi-obiektakh>. — Прим. ред.

12. Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 287.

13. Латур Б. Пастер. С. 77.

объяснительной работы у социальных категорий недостаточная различительная сила.

Выделим логическую связь между двумя основными утверждениями Латура: «сильная программа» объясняет природу с отсылкой к обществу; инструменты социологии слишком «грубы», чтобы объяснять явления, подобные работе Пастера. Связь состоит в том, что тонкость его работы проистекает из детальности его наблюдений. Если «сильная программа» отрицает роль данных наблюдения и предполагает, что Пастер восприимчив только к влиянию социальных факторов, тогда, делает вывод Латур, она не способна должным образом работать с детализированными научными данными. Мечте о социологическом объяснении содержания науки не суждено сбыться, как всегда и утверждали ее традиционные критики.

Для избавления от подобных дефектов Латур предлагает новый принцип симметрии, называя принцип симметрии «сильной программы» первым принципом. Его второй, или обобщенный, принцип симметрии — это упомянутая выше идея о том, что общество и природу необходимо рассматривать как совместно производимые. С точки зрения Латура, «сильная программа» объясняла природу в терминах общества, и поэтому было невозможно приписать вещам агентность: она есть только в обществе. Второй принцип симметрии возвращает агентность вещам. Он позволяет занять по-настоящему симметричную позицию, исходя из которой можно понять, как устроены и общество, и природа. По мнению Латура, только так мы можем признать, что сделать научное открытие — значит изменить общество. Для Латура такая позиция — шаг вперед, позволяющий нам увидеть изменения в науке как изменения в обществе.

Новый принцип симметрии, позволяющий исследователю как бы балансировать между обществом и природой, может быть изображен на схеме в виде вертикальной оси. Она будет перпендикулярна исходной субъект-объектной оси, а природа и общество будут расположены симметрично относительно нее. По Латуру, получается нечто вроде схемы на рис. 2.

Как Латур понимает точку, которую я назвал истоком? Его позиция по этому поводу неясна, я еще вернусь к этому. Вертикальная ось рассматривается как ось «стабильности»¹⁴ — это пока все, что нам нужно знать. Речь идет об устойчивости различия между природой и обществом. Идея в том, что в нижней части оси, ря-

14. *Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 285.*

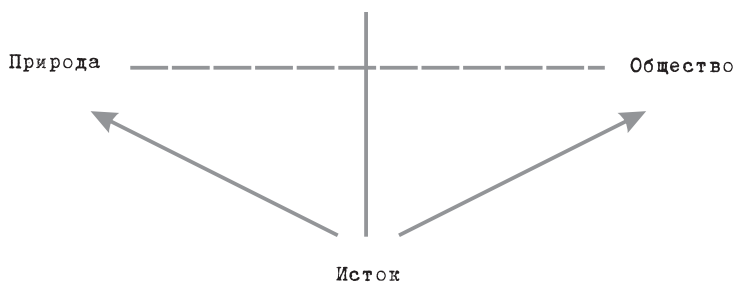

Рис. 2. Второй принцип симметрии Латура (исток)

дом с истоком, различие между вещами, реально существующими в природе, и вещами как предметами коллективных верований и мнений не имеет четкого смысла. На позициях выше представлены ситуации, в которых агенты относятся к демаркации между природой и обществом как к фиксированной и постоянной. Таким образом, нельзя представлять отношения между природой и обществом в качестве строгой оппозиции, потому что их полярность меняется по вертикали оси стабильности. Например, научные инновации следует представлять как движение вверх и вниз по этой оси, так как новатор изменяет общие представления о том, какие «вещи сами по себе» существуют реально, в природе. Модифицируя наши идеи, он, если воспользоваться терминологией Латура, создает и пересоздает и природу, и общество. Латур полагает:

История «вещей в себе» представляется нелепостью только тем, кто хочет навязать нам уже надоевшие противопоставления между субъектом (или обществом) и объектом (или природой). Между тем новаторы непрестанно преодолевают границы между наукой и обществом, игнорируя столь значимые для нас различия между тем, что было открыто... и что было сфабриковано¹⁵.

Стоит задуматься над следствиями этого пассажа. Отсылка к «вещам в себе» — это, конечно же, отчасти аллюзия на кантовскую идею ноуменальной основы субъект-объектной схемы. Можем также предположить, что она относится к идеям, которые ближе к здравому смыслу, — о независимости объектов природы от наших представлений о них. Мы считаем само собой разумеющимся, что деревья и камни (так же, как электроны и бактерии) являются устойчивыми объектами наравне с остальным содержимым

15. Латур Б. Пастер. СПб., 2015. С. 130.

вселенной. Оставляя в стороне эволюцию, геологические изменения и небулярную гипотезу происхождения Солнечной системы, можно сказать, что в определенном смысле у них нет «истории», они просто «наличествуют», обеспечивая стабильный фон для более скоротечных событий на человеческой сцене, где идеи меняются, а теории приходят и уходят. Однако для Латура история вещей самих по себе *существует*, потому что, как ему кажется, он отбросил привычные предпосылки трансцендентности и независимости. В представлении о трансцендентности и независимости лишь выражается субъект-объектная схема, от которой он хочет отказаться.

Таковы критические замечания Латура, направленные против «сильной программы», допущения, которые он ей приписывает, и основные направления, по которым он предлагает осуществлять преобразования. Его цель состоит в разработке некоторого несоциологического и нередукционистского анализа знания, который не будет сводить природу к обществу или общество к природе. Он называет этот проект антропологией, но это не антропология Эдварда Эванса-Причарда или Мэри Дуглас. Вся дюркгеймовская традиция отмечается на том основании, что носит сциентистский характер и опирается на модернистское разделение науки и общества, которое как раз и следует проблематизировать¹⁶.

3. Оценивая критику Латура

Демарш Латура основан на специфическом понимании целей «сильной программы» и ее сторонников. По его словам, они пытаются объяснить природу в терминах общества. В ответ следует заявить, что это глубокое заблуждение. Объяснению подлежит не природа, а разделяемые нами представления о природе. Исследуются особенности и причины знания или того, что считается знанием, а не сами объекты знания. Ясно, что рано или поздно мне придется ответить на вопрос о том, можем ли мы и насколько можем говорить о знании объекта, не говоря о самом объекте. Пока же займемся общими целями этого исследования. Это как раз то, чего Латур не делает. Мысль о том, что нужно стремиться «объяснить природу обществом», настолько необычна, что попытка критика кому-то приписать ее кажется удивительной, особен-

16. Latour B. Postmodern? No, Simply Amodern! Steps Toward an Anthropology of Science // Studies in the History and Philosophy of Science. 1990. Vol. 21. № 1. P. 167.

но учитывая явно материалистические формулировки «сильной программы»¹⁷. Тем не менее на протяжении всего обсуждения Латур систематически не различает природу и представления о природе. Он постоянно формулирует аргументы — как собственные, так и своих оппонентов — в терминах природы, а не представлений о ней. (Вспомните, что для Латура совместно производятся общество и природа, а не общество и представление о природе.) Как будто ему трудно различать эти вещи. Примером является приведенная выше цитата про новатора, пересекающего границу между природой и обществом. Однако легко понять, почему Латур движется в этом направлении. Он отвергает деление на субъект и объект, а проведение различия между природой и представлениями о природе — это просто форма этого деления.

Латур начинает свою критику с игнорирования того факта, что «сильная программа» является частью натуралистического и каузального предприятия. С точки зрения «сильной программы» само общество — это часть природы. Слово «природа» относится ко всеобъемлющей материальной системе, в которой человеческие животные и их взаимодействия, а также все результаты этих взаимодействий находятся на отведенных для них местах. Непоследовательно говорить об обществе, объясняющем природу, когда оно является не более чем ее частью. Само знание — лишь еще одно природное явление. Вместо того чтобы располагать «сильную программу» на субъективистском полюсе субъект-объектной оси, как это делает Латур, стоило бы, в соответствии с духом этого проекта, расположить ее на противоположном¹⁸.

Латур не понял «сильную программу», поэтому неудивительно, что его последующие объяснения постулата симметрии были неверными. Этот постулат не основывается на асимметричном отношении к природе и обществу, которое ему приписывает Латур. Правильное, натуралистическое понимание принципа симметрии предполагает, что и «природа» (то есть не-социальная природа), и общество участвуют в формировании и поддержании представлений. «Симметрия», на которой я настаиваю, заключается в том, что оба типа причин — опыт мира вещей и опыт мира людей — включены во все коллективные представления. Си-

17. См.: Bloor D. Knowledge and Social Imagery.

18. Я не думаю, что Латур проявил бы больше сочувствия к «сильной программе», если бы понял, что она является натуралистическим предприятием. Скорее всего, нет, учитывая его неприятие натурализма и каузальности. Пример антикаузальности его мышления можно найти в: Latour B. Do Scientific Objects Have a History?

системы представлений, то есть разделяемые и устоявшиеся формы знания, — это посредник, с помощью которого люди координируют свои взаимодействия с не-социальной природой. Каузально структурированные отношения с материальным миром неизбежны, они присутствуют во всех культурах. Занять симметричную позицию — значит признать наличие обоих измерений во всех случаях. Вместо того чтобы полагать, что ни у кого нет доступа к реальности, как думает Латур, данную позицию можно выразить девизом: «Все культуры одинаково близки к природе!» Это значит, что ложные системы представлений взаимодействуют с природой в соответствии с теми же общими принципами, что и истинные. Какие бы неудобства это ни вызывало, принятие принципа симметрии означает, что менделизм и лысенковщину нужно рассматривать как два разных способа каузального взаимодействия с (не-социальной) природой. Обе эти теории включают в себя чувственные данные о мире, взаимодействие с вещами и людьми, использование существующих культурных ресурсов и широко распространенных, хотя и спорных, стандартов и задач. Вопреки представлению Латура, «сильная программа» настаивает на том, что менделизм и лысенковщина, ньютоновская механика и механика Эйнштейна, волновая теория света Френеля и корпускулярная теория Брюстера, микробная теория болезней Коха и теория миазмов Петтенкофера имеют дело с природой. Все они в свое время имели характер социальных институтов, но это не значит, что их сторонники не взаимодействовали с природой. Разными способами и в разной степени успешно, но они делали это. Каким-то образом натуралистический и материалистический акцент на «и» в умах критиков превратился в идеалистический и субъективистский.

Такой подход может показаться очень контринтуитивным. Чтобы лучше очертить его, я обращусь к примеру, который кажется наименее благоприятным для социолога из всех вышеперечисленных. Если мы исходим из предпосылки, что, скажем, теория Менделя истинна или близка к истине, тогда как неоламаркизм Лысенко в корне неверен и, вероятно, подкреплен ложными сведениями об урожайности, то как можно поддерживать «симметричный» подход? Если одна из этих теорий соответствует действительности, а другая по разным причинам терпит в этом неудачу, то как обе они могут быть одинаково связаны с ней? Как им удается быть одинаково близкими к реальности?

Нам нужно рассмотреть связь, которая имеет место, когда одно является истинной репрезентацией другого. Что «сильная про-

грамма» может сказать об этом соответствии? Дело в том, что при натуралистическом подходе «соответствие» должно пониматься как связь, которую утверждают, приписывают или принимают сами акторы, а не как нечто действующее в качестве реальной причины. Эти утверждения, приписывания и принятия — скорее эффекты, которые необходимо объяснить, нежели причины, которые могут быть использованы в объяснениях. Точнее, «соответствие» или «несоответствие» реальности — это не каузальные отношения, которыми совокупности представлений связаны со своими референтами. У представлений действительно есть каузальные связи с вещами в мире, но они не схватываются словами «соответствие» и «несоответствие». Ни одно из этих отношений не является ни подлинной, ни натуралистически определяемой связью, существующей самостоятельно. Истинные и ложные теории не репрезентируют два естественных вида вещей, так же как участок земли, которым я владею, и участок земли, которым я не владею, не являются двумя естественными видами земли. В обоих случаях мы имеем дело с тем, что можно назвать моральным, а не каузальным различием.

Конечно, существует и каузальное объяснение тому, *почему* различие истинности и ложности производится так, а не иначе, повышая статус одной теории и понижая другой. В случае Менделя и Лысенко, как и в других, предоставление такого объяснения будет целью сторонника «сильной программы». Если будет необходимо упомянуть совершенное кем-то из них намеренное искажение данных, то так тому и быть: это станет частью объяснения. В общем, объяснение будет работать с прагматикой и случайными обстоятельствами представления, которые для обеих теорий будут включать в себя формирование и обработку данных, их отбор и оценку, связь с существующими теориями, распределение ожиданий и власти, а также набор целей и задач. Все эти суждения и решения должны быть укоренены в практиках и целях релевантных групп. В данном случае это, с одной стороны, провинциальные селекционеры и партийные руководители, а с другой — столичные ученые (часто поколением старше) в университетах и академиях¹⁹.

19. Учитывая вполне понятную одиозность Лысенко и его сторонников, обсуждение их взаимодействия с реальностью одновременно с обсуждением такового генетиков, пострадавших от их рук, может показаться странным. Чтобы компенсировать эту странность, стоит обратиться к докладу «Новая генетика в Советском Союзе», опубликованному под эгидой Имперского бюро селекции и генетики (Hudson P. S., Richens R. H. The

Разговор о теории, «соответствующей» реальности, — это просто словарь для выражения результата этих разнообразных и сложных процессов. Он удобно кодирует их результат, но не раскрывает, в чем они, собственно, состоят. Для повседневных практических целей такая конвенция работает очень хорошо. Она обеспечивает нужное нам практическое различие и удобно объединяет разнообразные процессы. Опасность возникает, когда такие разговоры об «истинности» и «ложности» вырываются из своего повседневного контекста и рассматриваются как данность в рефлексивных, аналитических или философских описаниях работы науки. Они вызывают проблемы, поощряя простые и обманчивые образы, претендующие на связь с причинами наших суждений, в то время как в действительности они являются их следствием²⁰.

New Genetics in the Soviet Union. Cambridge: School of Agriculture, Imperial Bureau of Plant Breeding and Genetics, 1949). Конечно, авторы этого доклада не могли знать всего, что происходило в это время, но их фактологический обзор и анализ литературы позволит нам обнаружить за жесткостью противостояния подлинно интеллектуальные ставки. Например, в то время было неясно, ставят ли определенные эмпирические результаты под сомнение текущее понимание генетических процессов или же генетическую теорию можно спасти, объяснив этот эффект вирусами. Также возможны были аргументы, апеллирующие к полигенам, то есть объяснение различных характеристик через зависимость от действий очень большого количества генов. Это была важная проблема, потому что генетике того времени было не по силам объяснение большинства экономически значимых характеристик [растений], представляющих интерес для практического селекционера. Обращение к полигенам выглядело для критиков так же, как внедрение новых эпициклов ради спасения старой геоцентрической астрономии. Также стоит помнить, что огромный успех производителей пшеницы в Соединенных Штатах, так разительно контрастирующий с проблемами СССР, сам является феноменом, нуждающимся в критическом анализе. Использование ими гибридов, полученных методом двойного скрещивания, часто считается триумфом генетики Менделя, но (а) согласно Журавски (*Joravsky D. Op. cit.*) они были разработаны эмпирически и на момент написания (1970 год) не были осмыслены теоретически; (б) во всяком случае было бы невозможно перенести эту практику в Советский Союз. Попытки предпринимались и потерпели неудачу, поскольку их успех зависел от необходимости ежегодной закупки семян, к которой традиционно относились с пренебрежением, а также широкого использования гербицидов и химических удобрений. Говоря современным языком, необходима была не эта (относительно) прогрессивная на тот момент технология, а «приспособленная технология» (*appropriate technology*).

20. Нам нужен именно прагматический смысл недостатков идеи «соответствия» в сочетании с социологическим смыслом значимости катего-

Разоблачив тезис о том, что «сильная программа» — это часть проекта по объяснению природы через общество, и заново подтвердив ее натуралистический характер и дух, я готов ответить на основное обвинение Латура, а именно его утверждение о том, что социальные факторы слишком скудны для объяснения богатства нюансов научной работы. В терминах, которыми Латур описывает все это, он, конечно же, прав. К сожалению, он работает с ложным предположением о том, что в «сильной программе» ученый взаимодействует с обществом, а не с (не-социальной) природой. Мы видели, что это не так. Верное предположение (пока нет свидетельств об обратном) состоит в том, что ученые всегда взаимодействуют с природой, но делают это коллективно, посредством разделяемых ими конвенций и устоявшихся понятий. В рамках «сильной программы» никогда не было необходимости или тенденции отрицать тонкость и богатство наблюдаемого учеными или отрицать, что оно играет важную роль в формировании и поддержании представлений. Более того, признание сложности, богатства и каузальной действенности чувственных данных соответствует целям социологии знания. Можно предположить, что наблюдение всегда будет позволять нам раскрывать реальность, которая намного сложнее, чем то, что мы можем включить в наши текущие концептуальные схемы и теоретические системы. Опыт и практическое взаимодействие с миром будут бесконечно порождать аномалии. Природу всегда нужно будет фильтровать, упрощать, избирательно испытывать и искусно интерпретировать, чтобы уместить в границы нашего познания. Разные способы репрезентации природы всегда возможны именно из-за необходимости сведения сложности к относительной простоте. (Не-социальная) природа сама по себе не диктует нам, как ее упрощать, делать приближения и отбирать данные. Эти процессы, являющиеся коллективными достижениями, в конечном счете следует отнести к свойствам познающего субъекта. Вот где на сцену выходит социолог.

Объяснение того, каким образом агенты налаживают связь между сложной (не-социальной) природой и последствиями прошлых достижений, даже близко не похоже на то, что описывает Латур. Никто не пытается вывести научные достижения Пасте-

рии «истинности» как чего-то внешнего, властного и навязываемого. См. лекции Эмиля Дюркгейма «Прагматизм и социология»: *Durkheim E. Pragmatism and Sociology / J. C. Whitehouse (trans.). Cambridge: Cambridge University Press, 1983.*

ра из его консерватизма, католичества, преданности императрице и нескольких черт характера. Разумеется, *это* предприятие безнадёжно. Во всяком случае оно было бы выражением ошибочного индивидуалистического мышления, а не подлинно социологическим исследованием. Вопросы, в ответы на которые социолог мог бы внести свой вклад, касаются тех интерпретаций, которые могут быть использованы для объяснения наблюдений Пастера, того, как он ставил вопросы, и его техник работы с неопределённостями и нерешёнными проблемами в данных. Почему он использовал именно эти интерпретативные инструменты и именно таким образом? В конце концов, Роберт Кох на основании данных Пастера вывел иной результат, чем сам Пастер, несмотря на то, что оба были компетентными, квалифицированными и рациональными учеными, которые разделяли многие допущения о причинах заболевания²¹.

4. Агентность вещей

Следовательно, Латур ошибается, когда обвиняет «сильную программу» в том, что она якобы отказывает вещам в агентности и отдаёт её вместе с властью социальным процессам. «Сильная программа» признаёт агентность природных, не-социальных вещей и процессов, а именно каузальную агентность. Например, вещи стимулируют наши органы чувств. Используя микроскоп для изучения тканей и жидкостей мёртвых животных, Пастер и Кох могли видеть маленькие объекты характерной формы. Столь же очевидно, что вещи воздействуют на нас одновременно множеством способов, как явных, так и едва различимых. Например, мы бы наверняка заболели, если бы ввели некоторые из этих жидкостей в нашу кровеносную систему. Впрочем, не думаю, что

21. Во-первых, Кох полагал, что работа Пастера о сибирской язве была просто повторением более ранних экспериментов Тигеля и не содержала ничего нового. См.: Carter K. C. The Koch-Pasteur Dispute on Establishing the Cause of Anthrax // Bulletin of the History of Medicine. 1988. Vol. 62. № 1. P. 50–52. Во-вторых, Кох думал, что Пастер перепутал сибирскую язву с другим организмом. Это было связано с тем, что они расходились во мнениях относительно ожидаемой изменчивости данных видов микроорганизмов, а это расхождение, в свою очередь, было связано с тем, что при определении видов микробов они придавали разное значение морфологическим и физиологическим характеристикам. Гейсон объясняет это расхождение во мнениях различиями в научной биографии и навыках. См.: Geison G. L. Louis Pasteur // Dictionary of Scientific Biography / C. C. Gillispie (ed.). N.Y.: Scribner's Sons, 1974. Vol. 9. P. 397–399.

такие ссылки на каузальную агентность природных вещей впечатлили бы Латура. Скорее всего, он увидит в них только колебания между двумя полюсами (природным и социальным) схемы, идентифицированной и отвергнутой им. Высказывание о роли объектов может лишь изменить его восприятие «сильной программы»: если раньше Латур считал ее экстремальной теорией, то теперь будет считать эклектичной, постулирующей знание как совокупность социальных и не-социальных компонентов.

Почему такая теория плоха? Аргумент Латура в следующем: само приписывание каузальной агентности вещам и есть осуществление знания. Фактически оно не только конституирует употребление того знания, которое социолог обычно стремится объяснить, но также предполагает разделение реальности на две категории — «природное» и «социальное». Именно это различие хочет проблематизировать Латур. Любое использование этого различия как данности будет, на его взгляд, спорным и приведет к поверхностному, а не фундаментальному анализу. Таким образом, апелляция к «естественным» причинам вроде тех, что я только что описал, является для Латура результатом того процесса, который мы должны изучать²².

Есть в этом возражении нечто правильное, но также и нечто глубоко ошибочное. Несомненно, верным является то, что ни одна каузальная натуралистическая объяснительная программа, такая как «сильная программа», не может работать без некоторых фундаментальных допущений о том, каков мир. Если она сделает их, то ее последователи уже будут определенным образом претендовать на обладание знанием. Проблематичность данного возражения связана с тем, являются ли позиция и способ последователей «сильной программы» заявлять свои права на знание менее обоснованными, чем позиции других, в том числе таких критиков, как Латур. В своей работе им тоже нужно претендовать на знание, что они и делают, так что это не отличительная особенность «сильной программы». В одном мы можем быть уверены: никто не может разработать полностью беспредпосылочную позицию. Невозможно тематизировать все инструменты исследования, не придя к теме, для которой нет инструментов. Сложность заключается в том, чтобы решить, что нужно сделать темой исследования, а что — его средством.

22. См., напр.: *Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! // Science as Practice and Culture / A. Pickering (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 347–348.*

Каковы критерии для определения легитимного и разумного? В пятом разделе мы увидим, что Латур принял решение создать фундаментальную онтологию и набор базовых философских категорий для описания событий «ниже» того уровня, на котором кристаллизуются социальная и природная реальности, то есть в точке истока на рис. 2. Описание этих событий, данное в философском словаре Латура, и есть его основной инструмент: все остальное — это тема исследования. Альтернативная стратегия, более соответствующая «сильной программе», — это принятие подхода, выведенного из эмпирической традиции. Социолог должен понимать, на что реагируют исследуемые агенты, то есть какие аспекты мира были открыты этим агентам в опыте, с какими трудностями они сталкиваются. Если мы сможем выделить «стимул», то, возможно, сможем приступить к объяснению «реакции». Конечно, реальная проблема будет состоять не в индивидуальных психологических реакциях как таковых, а в реакциях, опосредованных коллективным мышлением с его разделяемыми традициями и конвенциями.

Речь не идет о попытке использовать эмпиристский идеал языка чистых чувственных данных, поскольку по веским социологическим причинам такой язык для нас недоступен²³. К счастью, он нам и не нужен для нашей задачи. Пока нам каким-то образом удается схватывать опыт агента достаточно нейтральным для наших целей способом, не имеет большого значения, как мы определяем или описываем испытываемое им в опыте. Ученые часто делают это для себя, когда у них нет четкого представления о сути и каузальной роли изучаемых объектов. Например, в 1850 году биолог Казимир Давен сообщил, что наблюдал «маленькие нитевидные тельца примерно в два раза больше кровяных телец» в крови овцы, зараженной сибирской язвой. Тогда он не утверждал, что видел причину сибирской язвы, — это мог быть симптом или побочный продукт²⁴. Описание Давена строится не на языке чистых чувственных данных, но оно нейтрально по отношению ко множеству возможных теоретических альтернатив (например, причины или симптома). Другой пример: можно сказать, что и Джозеф Пристли, и Антуан Лавуазье были знакомы с некоторым «красноватым порошкообразным веществом», изготовленным из «ртути». Если мы будем рассматривать это вещество как «красноватое» и «порошкообразное», то удивимся не тому, что

23. См.: Hesse M. *The Structure of Scientific Inference*. L.: Macmillan, 1974.

24. Carter K. C. *Op. cit.* P. 43.

Пристли назвал это вещество красной известью, а тому, что Лавуазье назвал его оксидом ртути. При условии, что наше мышление подчинено (старому) принципу симметрии, мы могли бы при желании обойтись без дисциплины эмпиризма и принять менее сдержанный и более реалистический словарь. Мы могли бы просто сказать: в том, что кто-то назвал оксид ртути оксидом ртути, проблемы не меньше, чем в том, почему его следует назвать иначе. Все акты именования встраивают объект в систему классификации, и сама эта система должна поддерживаться как система, как нечто разделяемое нами — коллективное достижение, выходящее за рамки мышления индивида.

Важно разделять мир и описание мира актором. Именно описание является предметом исследования, а предложенное разделение — один из наших инструментов. Это просто еще один способ сказать, что нужно уважать различие между объектом и субъектом знания. Например, историкам науки и социологам зачастую лучше избегать высказываний о том, что Роберт Милликен «наблюдал электроны» или «наблюдал эффекты электронов». Пусть это говорит сам Милликен. Лучше сказать: он наблюдал нечто, что объяснил, постулировав объект, который назвал электроном. В этом случае мы будем менее склонны думать, что природа автоматически стремится произвести именно эти вербальные описания или ответы. Если мы полагаем (как большинство из нас), что Милликен был прав, то получается, мы также верим, что электроны как описанная Милликеном часть мира сыграли каузальную роль в том, что он поверил и заговорил о них. Но тогда мы должны помнить, что (при таком сценарии) электроны *также* сыграли роль в том, что Феликс Эренгафт, современник и оппонент Милликена, *не поверил* в электроны. Как только мы поймем это, станет ясно, что «сам» электрон в известном смысле выпадает из этой ситуации, потому что является общим фактором для двух разных реакций и причиной различия, которое нас интересует. Поэтому мы должны обращать особое внимание на «данные» (а не на «интерпретацию»), то есть на то, что в действительности увидели Милликен и Эренгафт, их отчеты и измерения, записанные ими в лабораторных журналах. Культивирование эмпирической чувствительности может быть полезным инструментом. Концентрация внимания на том, что может быть воспринято зрительно или как-то иначе, способствует осознанию разрыва между объектами и их описаниями. Эти описания дают социологу знания основной предмет и проблему исследования. Вот что призван удерживать в фокусе нашего внимания принцип симметрии.

Теперь я хочу сделать предположение. Я подозреваю, что критики субъект-объектного различия, такие как Латур, полагают, будто приписывание природе каузальной роли *равносильно* допущению, что некоторым описаниям природы необходимо автоматически придать привилегированный статус. Если бы кто-то из критиков отталкивался от этого, то это они были бы повинны в неразберихе. Это было бы переворачиванием истины. Только сохраняя различие между субъектом и объектом и вбивая клин между природой самой по себе и ее описаниями, сделанными познающим субъектом, нам удастся подчеркнуть проблематичность этих описаний. Именно те, кто не замечает, что субъект и объект по-разному участвуют в этом процессе, прокладывают путь заблуждению. Они убеждают нас в том, что переход от объекта (при данном описании) к реакции субъекта на него (в терминах того же описания) как будто бы не проблематичен. Дело в том, что для них и нет никакого реального перехода.

Идею о том, что есть прямое соответствие между терминами теории и связанными с ними объектами мира, можно назвать прямым реализмом или наивным реализмом. Это допущение означает, что если теоретик ссылается на некоторый тип объекта и если он хочет, чтобы теория работала эффективно, то ее термины должны взаимно однозначно соответствовать упоминаемым типам объектов. Если речь идет об электронах и микробах, то должны существовать электроны и микробы; если речь идет о теплороде и линиях магнитного поля, должны существовать такие вещи, как теплород и магнитное поле. Критики указывают, что нечто очень похожее на прямой или наивный реализм обнаруживается в методологии Латура²⁵. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, я хочу показать, как можно быть реалистом (или материалистом) в отношении природы, не предполагая, что есть какое-то единственно верное ее теоретическое описание. Нужно помнить, что необязательно принимать прямой или наивный реализм, чтобы быть реалистом.

Наша связь с природой не зависит от каждого общего имени в наших теориях (даже успешных), соответствующего естественному виду. Система знания используется, применяется и оценивается целиком. Если она работает как целое, то мы, конечно, склонны проецировать части теории на природу. Когда теория переста-

25. Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken // Science as Practice and Culture. P. 369–389.

ет удовлетворять нас, мы вспоминаем, как разнообразны, сложны, надуманны и случайны в действительности ее связи с природой. Очевидно, что отдельные термины теории будут использоваться в отдельных случаях. Мы говорим об *этих* электронах, *этих* микробах, *этих* силовых линиях и т. д. В этих случаях конкретные эмпирические ситуации будут подталкивать нас к применению терминов, но это не значит, что мы добились некоей уникальной, непосредственной или успешной связи. В процессе участвует вся система классификации, и через некоторое время она может измениться. Лучше всего понимать теоретические системы как нечто целое, полезное и реализующее адаптацию к реальности, которая достаточно богата, чтобы допускать спектр возможных адаптаций, описаний и классификаций²⁶.

5. Латурианская альтернатива

Ряд авторов уже критически отреагировали на предложения Латура²⁷. Несмотря на то что они исходят из разных точек зрения, их оценки удивительным образом совпадают. Подчеркивается живой и увлекательный стиль Латура, но его рекомендации оцениваются как неубедительные, а ход мыслей — как спутанный. В целом критика в этих работах, как мне кажется, разгромна. Часть того, что я выскажу далее, пересекается с тезисами критиков Латура и опирается на них, но я буду излагать свои соображения в соответствии с общей линией моей аргументации.

Для начала необходимо отметить, что Латуру никогда не удастся дать четкое объяснение процесса, который он называ-

26. См.: Barnes B., Bloor D., Henry J. Op. cit.

27. См., напр.: *Amsterdamska O.* Surely You are Joking Monsieur Latour! // Science, Technology and Human Values. 1990. Vol. 15. P. 495–504; *Collins H., Yearley S.* Op. cit. P. 301–326, 369–389; *Gingras Y.* Following Scientists Through Society? Yes, but at Arms' Length! // Scientific Practice / J. Z. Buchwald (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 123–148; *Knorr-Cetina K.* Germ Warfare // Social Studies of Science. 1985. Vol. 15. P. 577–585; *Schaffer S.* The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour // Studies in the History and Philosophy of Science. 1991. Vol. 22. P. 174–192; *Shapin S.* Following Scientists Around // Social Studies of Science. 1988. Vol. 18. P. 533–550; *Sturdy S.* The Germs of a New Enlightenment // Studies in the History and Philosophy of Science. 1991. Vol. 22. P. 163–173; *Van den Belt H.* How to Critically Follow the Agricultural Technoscience: Kloppenburg versus Latour // Agrarian Questions: The Politics of Farming anno 1995. Proceedings / The Agrarian Questions Organisation Committee (eds). The Netherlands: Wageningen, 1995. Vol. 1. P. 43–53.

ет совместным производством науки и общества. Действительно, предлагаемые им объяснения чрезвычайно темны. Не помогает и его апелляция к мутному высказыванию Мишеля Серра: «Я представляю, что в начале был быстрый вихрь»²⁸ (поэтому Латур иногда украшает точку исхода на рис. 2 небольшой спиралью). Поясню этот недостаток его собственными словами. Для начала вспомним схему Латура и ее вертикальную ось, выражающую стабильность, которой социальные группы наделяют различие между природой и обществом. Давайте спросим, всегда ли, согласно Латуре, микробы Пастера существовали в природе, ожидая, что их откроют, или они являются не более чем изобретенной Пастером идеей, которая в итоге прижилась (то есть чистым «социальным конструктом»)? Латур говорит, что нам не следует задавать подобный вопрос. Мы не должны быть «реалистами» относительно микробов, но мы также не должны пытаться «редуцировать» науку Пастера к социальным условиям. Надлежащим образом поняв это, мы, возможно, найдем правильный ответ. Но давайте посмотрим, как, по Латуре, это выражается практически. Он пишет:

Я все же настаиваю на том, что не пытался в этой книге предложить социальное или политическое прочтение Пастера, которое было бы альтернативой другим техническим или когнитивным прочтениям. Единственное, к чему я стремился, — вернуться в тот момент, когда еще не было проведено различие между содержанием и контекстом²⁹.

Слово «контекст» здесь, очевидно, относится к социальному контексту, а «содержание» (то есть содержание знания) — то, что Латур в другом месте называет объектом знания. Тогда с чем же сталкивается исследователь до того, как было проведено различие между содержанием и контекстом или субъектом и объектом? Видимо, мы должны полагать, что в этот момент имеем дело и не с микробами (которые попадали бы под категорию содержания или объекта знания), и не с обществом, реагирующим на известных ему микробов (это попадало бы под категорию контекста или общества как познающего субъекта). Скорее, мы имеем дело с микробами в процессе их создания и с производящим их и себя обществом. В этот момент:

28. *Latour B. Postmodern? No, Simply Amodern!* P. 163.

29. *Латур Б. Пастер*. С. 39.

Симметричная трактовка природы и общества, как и отказ от представления о различии между естественными и социальными акторами, имеет ключевое значение³⁰.

Если последователи «сильной программы» посоветовали бы рассматривать природу и общество симметрично, утверждая, что и природа, и общество обладают каузальной ролью в производстве представления, то обобщенная «симметрия» Латура отсылает нас не к двум *причинам*, а к двум *следствиям*. Природа и общество — это два следствия с общей причиной или, раз Латур критически относится к причинности, два процесса с общим основанием. Ключевым положением, характеризующим предложенный Латуром подход, будет высказывание о приостановке веры в «различие между природными и социальными акторами». Но что это значит? Пастер был социальным актором, а его микробы были природными акторами, значит, мы должны как-то отложить в сторону все обычные предположения о том, чем они отличаются друг от друга. Аналогично Милликен и Эренгафт были социальными акторами, а (предположительно реальные) электроны одного и (предположительно несуществующие) субэлектроны другого были бы природными акторами. И здесь мы должны «отложить наше убеждение» об этом различии.

Каким бы удивительным ни казалось предложение Латура, мы не должны относиться к нему пренебрежительно. В конце концов, утверждения о том, что сознание — это мозг, а мозг — это компьютер, считаются в философии приемлемыми. Они могут быть отвергнуты критиками как ошибочные, но они принимаются всерьез. Тезисы «сильной программы» тоже были сформулированы с опорой на философский материализм, а для материалиста люди вроде Пастера и Милликена, как и микробы или любой другой материальный объект, — это наборы электронов и других частиц. Многие из нас обнаружат, что на каком-то предельном метафизическом уровне поддерживают позицию, не слишком отличающуюся от позиции Латура. Важно то, как эти в высшей степени общие темы выражаются в методологии, например, при работе с эмпирическим материалом из истории науки. Именно здесь становится заметной странность позиции Латура.

Латур хочет вывести эти предельные вопросы на передний план. Они не являются какими-то далекими целями, отсылающими к некоему будущему синтезу. В отличие от отождествле-

30. Там же. С. 106.

ния мозга и компьютера, они должны выражаться непосредственно в анализе повседневной научной деятельности. Вот почему он хочет, чтобы исследователь работал не с социологическим словарем, а на уровне, на котором работа обыденных категорий человека и вещи приостановлена. Нужно задействовать другой, более абстрактный словарь. Латур готов признать, что такой словарь еще не готов полностью. Он только создается, и дальнейшая работа по его созданию должна быть одним из приоритетов в этой области³¹. А пока мы можем обратиться к философской традиции, чтобы позаимствовать из нее ряд нейтральных и монистических понятий. Так, вместо людей (вроде Пастера и Милликена) и объектов (вроде микробов и электронов) мы должны иметь дело с тем, что Латур называет энтелехиями, монадами, квази-объектами или силами. Процессы, приводящие все в движение, должны пониматься абстрактно, как упорядочивание сил, противостояние сил или «испытание силы». Тем не менее Латур делает важное уточнение:

Нет, мы не знаем, что это за сила и каков расклад действующих сил. Мы не стремимся сводить одно к другому³².

И:

Вместо сил можно говорить об энтелехиях, или, проще, об актантах³³.

Отсылка к монадам Лейбница, кажется, сделана всерьез. Напомню, что у Лейбница монады «вовсе не имеют окон». Латур очень многословно говорит нам, что в его системе нет вопроса о «внешнем референте»³⁴. Только внутренние референции, отсылки. Таким образом,

...о каждой энтелехии можно сказать, что она создает целый мир. Она обретает для себя место, она и все остальные; она говорит о том, из каких сил, по собственному мнению, она состоит; она полагает себя во времени, обозначая, кто соотносится с принципом реальности³⁵.

31. *Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School!* P. 354.

32. *Латур Б. Пастер.* С. 218.

33. Там же. С. 221.

34. Там же. С. 229.

35. Там же.

Что нам сказать об этом? Главное — и это нужно подчеркнуть, — что по-прежнему непонятно, как связать эти метафизические рассуждения с исторической и повседневной реальностью. Это всего лишь причудливый глянец на корпусе фактов (относящихся, например, к работе Пастера в микробиологии), существующий при этом вполне независимо от них. Нас призывают поддержать новую точку зрения: умышленно перевернуть наши понятийные конвенции, использовать служащий описанию целей словарь для не имеющих целей вещей и механистический словарь — для тех, у которых цели есть. Мы должны думать о Пастере, как если бы он был микробом, а о микробах, как если бы они были Пастером, или относиться к Милликену как к электрону, а к электрону как к Милликену. Но пока мы не уверены полностью, действительно ли это необходимо и оправданно, все это выглядит как способ ввести нас в замешательство: обскурантизм, возведенный в ранг общего методологического принципа³⁶.

Здесь нужна осторожность, потому что Латур смешивает общие метафизические тезисы со специфическими проблемами, которые поставлены конкретными историческими ситуациями. Он указывает на то, что последователи Пастера часто высказывались о микробах, как если бы они походили на людей, говоря, что они могут быть «врагами», или непрошеными «гостями», или убийцами со смертоносной «миссией». В качестве категорий акторов эти слова должны восприниматься, как они есть. Если окажется, что они более распространены и более буквальны, нежели мы ожидали, то, значит, так тому и быть. Многие в латуровской позиции выводятся из частного случая пастеровцев и в той мере, в которой она несет общий методологический посыл, соответствует широко принятой стратегии, согласно которой исследование должно начинаться со схватывания точки зрения актора. Однако в данной стратегии под актором понимается человеческий актер: именно это различие Латур и пытается разрушить. С одной стороны, Латур описывает микроба как нечто, буквально имеющее какие-то интересы (например, «он использует ваши интересы, чтобы реализовывать свои собственные»³⁷). С другой стороны, он утверждает, что понятие агента используется в широком, даже

36. Совсем недавно Латур обратился к метафизике Уайтхеда, чтобы с ее помощью сформулировать свои тезисы (*Latour B. Do Scientific Objects Have a History?*). Я не думаю, что это каким-то образом продвинуло вперед его аргументацию.

37. Латур Б. Пастер. С. 70.

всеобъемлющем «семиотическом смысле»³⁸, что можно понять как призыв не воспринимать подобные высказывания буквально.

Такие неразрешенные напряжения типичны для текста Латура: он пытается объяснить, что понимает под «совместным производством коллективных объектов», но безуспешно³⁹. Многие определения этого производства негативны. Он настаивает, что не просто говорит о том, что объекты «наполовину природны, а наполовину социальные». Они не являются «ни объектами, ни субъектами, ни их соединениями»⁴⁰. Но когда дело доходит до позитивного определения, мы видим, что язык — в той мере, в которой он способен что-либо выразить, — начинает соскальзывать обратно, в сторону более привычного словаря социологии знания. После сбивающего с толку рассуждения о «квази-объектах», которые «производятся» и «циркулируют», мы узнаем, что они являются «новой социальной связью, которая переопределяет и то, из чего состоит природа, и то, из чего состоит общество»⁴¹. Вот что можно из этого вынести: мы имеем дело с «социальной связью». В другом месте выясняется, что совместное производство — это процесс, осуществляющийся в «повседневной практике»⁴², и что «объекты и субъекты — это запоздавшие последствия экспериментальной и исторической деятельности»⁴³. Вот еще кое-что, за что можно бы было ухватиться. Без сомнения, у этих терминов наверняка должно быть множество тонких подтекстов, которые я здесь пропускаю, но моя цель состоит в том, чтобы выловить что-нибудь конкретное и пригодное к использованию в этом море неясностей. Оставляя позади монады и энтелехии, мы натываемся на что-то, напоминающее социальные связи, социальные практики, исторически обусловленную деятельность и даже на знакомо звучащие культурные категории, такие как «экспериментальное». Но если у нас есть социальные связи в каком-то обычном смысле этого слова, значит, должно быть и общество. Если существуют практики в обычном смысле этого слова, необходимо предположить и какую-то форму социальной жизни. Видимо, рассуждение Латура о производстве «природы» и «общества» нельзя принимать слишком всерьез. В действительности оно на всем своем протяжении предполагает и природу, и общество.

38. Латур Б. Пастер. С. 72.

39. Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 287.

40. Ibid. P. 282.

41. Ibid. P. 283.

42. Ibid. P. 281.

43. Ibid. P. 284.

Попытка Латура добраться до метафизических оснований проваливается: он не может уйти от пред-существующих природы и общества. Его относит обратно, на ту же исходную позицию социолога знания — скучного существа, которое Латур упрекает за то, что оно не вышло за пределы кантовской «Критики». Видимо, в конечном счете нам придется начать исследование природы знания с того же места, где находимся. Мы стоим на фундаменте природы и располагаемся в центре существующей культуры, нашей собственной культуры. Быть может, это ограничивает нас не так сильно, как кажется или как считает Латур, поскольку мы не обязаны принимать культуру полностью за чистую монету или подходить к ней некритически. Тем не менее достигнутая нами критическая дистанция возможна только при применении средств самой культуры, использовании одной ее части для рассмотрения другой. Учитывая, что наша культура сложна и плюралистична, наделена собственной историей и разделена на противоборствующие традиции, я думаю, что такие средства для достижения необходимой ролевой дистанции более богаты, чем нам когда-либо может понадобиться.

6. «Новая» симметрия на практике

Уже много было сказано о попытке Латура изложить свою методологию в теоретическом плане. Как она выглядит на практике? Подозрительно похожа на обычную социологию научного знания, разве что весьма ограниченную и одностороннюю⁴⁴. Единственное отличие — добавлены некоторые неясные терминологические обороты, а также постоянно повторяется тезис о том, что это два разных и противоположных друг другу проекта. Рассмотрим, например, его основной исследовательский кейс, связанный с рецепцией работы Пастера. Нам открыто советуют не делать то, что сделал бы любой социолог знания, а именно: выделять разные группы, определять их интересы и смотреть, могут ли их различающиеся реакции на заявление Пастера быть поняты в этих терминах. Нам говорят, что этот архаичный стиль «редукционистской» социологии «устарел»⁴⁵. Латур «предложил социологии отказаться от „социальных групп“ и „интересов“ и позво-

44. Шеффер указывает, что «Латур занимает совершенно асимметричную позицию по отношению к пастеровцам и их оппонентам» (*Schaffer S. Op. cit.* P. 185).

45. Латур Б. Пастер. С. 70.

лить актерам самим определять себя»⁴⁶. Но, как быстро указали рецензенты «Пастера», если мы посмотрим, что в действительности делает Латур, то увидим, что он совершает ту самую процедуру, от которой только что отказался. Он выделяет социальные группы, их интересы и полностью полагается на них для объяснения реакции на работу Пастера. Он выделяет группы гигиенистов, военных врачей, хирургов и терапевтов. Он показывает, как методы Пастера отвечали интересам первых трех групп, но поначалу не устраивали терапевтов, опасавшихся разрушения связи между врачом и пациентом. Упор на профилактические, а не лечебные техники представлял потенциальную угрозу. Гигиенисты, с другой стороны, были фрустрированы своими провалами в прогнозировании и предотвращении вспышек заболеваний, поэтому нашли в методах Пастера эффективный инструмент для достижения своих целей. Именно этим объясняет Латур горячую поддержку ученого гигиенистами. Он пишет:

С одной стороны, до 1871 года (см. гл. II) работы Пастера пользуются безграничным доверием (впрочем, они не касались инфекционных заболеваний), а с другой — общественное движение нуждается в этих открытиях, но не ожидает, что они будут сделаны⁴⁷.

Речь идет о социальном движении гигиенистов. Они пошли дальше Пастера, немедленно среагировав на его исследования ограниченного числа заболеваний так, будто у него уже был ключ ко всем болезням. Но главное здесь — отсылка к идентифицируемой социальной группе, «нуждавшейся» в этих открытиях. Далее Латур рассказывает о пастеровцах:

Работая в нескольких лабораториях, они произносят слова, которые немедленно и без всякого сопротивления принимаются за истинные, позволяя гигиенистам наконец-то продвинуться вперед⁴⁸.

Получается, у нас есть не только потребность, но и группа, у которой есть представление о своей работе и ее развитии. Это дает нам все необходимые элементы для определения интересов и их приписывания социальной группе ради объяснения.

46. Там же. С. 92.

47. Там же. С. 66.

48. Там же. С. 70.

Возможно, Латур чувствует опасность такого прочтения, потому что, как и в одном из пассажей выше, пытается предупредить его, требуя от социологов прекратить обращаться к социальным группам и интересам:

Еще раз подчеркну: когда я пользуюсь словами «интерес» и «интересоваться», я не имею в виду «теорию интереса», отстаиваемую тем, что сегодня получило название Эдинбургской школы. Скорее, я имею в виду понятие перевода. «Интерес» означает попросту то, что стоит «между» действующим лицом и его деятельностью⁴⁹.

Если мы проверим это утверждение и заменим в тексте Латура слово «интерес» на слово «между» (или на слова, выражающие общую идею промежуточности, срединности), то увидим, что оно не работает. Например, в «Пастере»:

Врачи либо могут использовать происходящее в Институте Пастера в своих интересах, либо не могут⁵⁰.

И:

Пастеровцы... вводят в общество нового актора, который компрометирует (скомпрометировал) свободу всех остальных, смещая их интересы⁵¹.

И снова:

Помогая пастеровцам, они [врачи] в то же время действовали в собственных интересах⁵².

Эти отрывки звучат совершенно осмысленно, если слово «интерес» понимается в обычном смысле, как некоторая выгода, которую группа может получить, если выполнит определенный набор действий. Идея о том, что это слово обозначает нечто совсем другое — нечто между действием и его результатами, — не вполне понятна. Вместо того чтобы открыто признать, что в конечном счете он дает достаточно заурядное объяснение через интерес, Латур

49. Там же. С. 105.

50. Там же. С. 177.

51. Там же. С. 180. Перевод изменен. — *Прим. ред.*

52. Там же. С. 186. Перевод изменен. — *Прим. ред.*

просто излагает те же самые вещи, но с помощью другого словаря. Например:

Если бы они [гигиенисты] хотели открыть диспут, им это удалось бы. Наличие или отсутствие возражений определяется углом смещения акторов⁵³.

То же самое можно сказать другими словами: гигиенисты могли счесть заявления Пастера спорными, если бы были склонны к этому, а склонны они были бы, если бы это служило их интересам. Вместо того чтобы сказать о видимом совпадении интересов гигиенистов и внутреннего круга пастеровцев, нам говорят о «направлениях движения». Я не хочу придираться к терминологии, но действительно ли эти метафоры позволяют нам сказать что-то глубже, иначе и лучше, чем при стандартном обсуждении интересов? Думаю, что нет.

7. Релятивизм

Разворачивая критику «сильной программы», Латур старается дистанцироваться от позиции, которую называет релятивизмом. В его понимании это прямое следствие (первого) принципа симметрии. Учитывая, что есть разные позиции, которые можно назвать релятивистскими, важно четко определить, что именно осуждает Латур. Я буду опираться на его рассуждения в книге «Наука в действии», хотя эта тема хорошо представлена и в других работах. Во-первых, следует заметить, что Латур следует распространенной тенденции противопоставлять «релятивизм» «реализму» (а не абсолютизму, как стоило бы делать). Реалисты будто бы убеждены в том, что научные споры о том, как лучше всего репрезентировать природу, решаются самой природой, в то время как релятивисты полагают, что «природа станет следствием разрешения разногласий»⁵⁴. (Заметьте, Латур говорит «природа», а не «представления о природе».) Во-вторых, «релятивизм» рассматривается как оценочная позиция. Считается, что релятивисты стремятся защищать различные системы представлений от «обвинений», таких как обвинение в иррациональности. Их предполагаемая цель — убедить нас, что такая негативная оценка безосновательна или что ее невозможно поддерживать, что рассматриваемая

53. Там же. С. 94.

54. Латур Б. Наука в действии. С. 166.

система представлений может быть оправдана, поскольку в конечном счете она рациональна. Латур проводит параллель с судопроизводством. Он говорит, что релятивисты, как адвокаты, отстаивают невиновность своего клиента. Всякий раз, когда научное сообщество отвергает теорию (как оно отвергло флогистон, теплород или ньютоновскую механику с абсолютным пространством и временем), релятивист должен встать на ее защиту вопреки научному консенсусу:

Каждый раз, когда предъявляется обвинение в иррациональности, релятивисты заявляют, что эта рациональность — лишь видимость, что она, как все относительное, определяется лишь *точкой зрения* суда, и предлагают свою перспективу, в которой аргументация обвиняемых выглядит прямой и логичной. Их подход является симметричным...⁵⁵

Латур считает эту позицию непригодной для защиты, потому что из-за своей приверженности идее «симметрии» (все мнения одинаково заслуживают доверия) «релятивисты» игнорируют очевидный факт: асимметрию устанавливают сами ученые, делая некоторые теории более убедительными, чем другие. Поэтому он жалуется:

Потому что на протяжении четырех глав мы следили за работой ученых, пытавшихся сделать свои утверждения *более убедительными*, чем утверждения других. Поэтому, если эта огромная работа на самом деле ничего не значит, они просто зря тратили свое время, соответственно, и я, и мои читатели тоже тратили время зря⁵⁶.

Работа по достижению особой убедительности имеет форму создания союзов, установления связей и привлечения других, то есть создания того, что Латур называет «сетями». Они включают в себя все аспекты ситуации — материальные и социальные. К сожалению, говорит Латур, релятивисты пренебрегают этими сетями:

Но при симметричном подходе полностью игнорируется само по себе существование научных сетей, их ресурсов и способности иногда кардинальным образом изменять баланс сил⁵⁷.

55. Там же. С. 306.

56. Там же. С. 307.

57. Там же.

Было бы трудно представить себе более серьезное обвинение против «сильной программы» релятивистской социологии знания, чем то, что она «совершенно пренебрегла» феноменом взаимодействия в формировании социальных сетей или что она пренебрегает возможной ролью чувственных данных в «изменении баланса сил». Однако это обвинение бьет мимо цели. «Релятивизм», который отвергает Латур, сильно отличается от релятивизма «сильной программы», которую он пытается критиковать.

Во-первых, релятивизм «сильной программы»⁵⁸ не противостоит реализму. Как я уже подчеркивал, (не-социальная) природа играет ведущую роль в формировании представлений, хотя то, как природа переживается в опыте, не может дать достаточного каузального объяснения тому, как она описывается в дальнейшем. Во-вторых, релятивисты «сильной программы» не ведут себя как адвокаты, пытаясь доказать чью-то невиновность. Если следовать правовой аналогии, они, скорее, похожи на философов права, утверждающих, что не существует абсолютных критериев справедливости или абсолютных «прав», с помощью которых можно оценивать законодательство. Это совершенно другой образ.

Цель постулата симметрии состоит в том, чтобы призвать социологов воздержаться от первопорядковых суждений. Нужно сделать эти суждения объектами исследования. Именно они нуждаются в объяснении. Это «релятивистская» позиция, потому что не существует абсолютных доказательств того, что одна научная теория превосходит другую; есть только локально убедительные аргументы. Конечно, бывают разные степени достоверности. Задача релятивистской социологии знания — не игнорировать или отрицать эти различия, а объяснять их. Тезис Латура о том, что, согласно принципу симметрии «сильной программы», все представления одинаково заслуживают доверия, ошибочен. Суть в том, что все теории и представления в равной степени сталкиваются с проблемой достоверности (*credibility*) и, следовательно, все различия в достоверности и степени достоверности одинаково нуждаются в каузальном объяснении.

Даже если принимается, что симметрия не предполагает одинаковой убедительности, не остается ли в латуровской характеристике релятивизма чего-то верного? Предположим, что со-

58. См.: Блур Д. Определение релятивизма / Пер. с англ. П. А. Сафронова // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30. № 4. С. 16–31. — Прим. ред.

циолог знания изучает раннее заявление Роберта Коха о выделении бациллы, вызывающей сибирскую язву. Тогда критики Коха указывали: он не предоставил строгого доказательства того, что причиной является одна конкретная палочка, а не сопутствующие факторы. Кох ответил, что полное и окончательное доказательство предоставить невозможно, следовательно, требовать его бессмысленно. Позднее в своей работе о туберкулезе он сформулировал и провозгласил в качестве доказанного то, что в дальнейшем было названо постулатами Коха и предназначено для установления причин заболевания. Эти постулаты требовали как раз того, что он ранее отрицал: полной изоляции бактерии, чтобы она и только она могла считаться причиной заболевания. Противоречил ли Кох сам себе? Расходилось ли его раннее утверждение с его зрелой методологией? Социолог знания неохотно высказывал бы подобные суждения. Это выглядит так, будто соответствует латуровскому стереотипу: для релятивиста никто не виноват ни в каком научном преступлении, в данном случае — в логической непоследовательности.

На самом деле происходит нечто совсем другое. Задача состоит не в том, чтобы заменить одни оценки на другие (виновность на невиновность, последовательность на непоследовательность), а в том, чтобы избежать оценок, подменяющих более тщательные исследования. Момент, на котором будет настаивать социолог знания, заключается в том, что постулаты Коха для установления причин заболевания всегда должны применяться в контексте, то есть на фоне чего-то, принимаемого как очевидное. Как и у всех правил и принципов, у них нет внутреннего основания для применения, они всегда зависят от локальных обстоятельств. Без такого фона они не привели бы ни к каким определенным ответам. Позднее постулаты Коха начали использоваться, и пришло молчаливое признание того, что они не выдвигали невозможных требований, — когда микробная теория стала эффективной исследовательской парадигмой в этой области. Более ранние утверждения о невозможности строгого соответствия постулатам были выдвинуты в контексте споров с критиками, часть из которых не принимали микробную теорию. В этом контексте им ничто не соответствовало. Критик всегда мог сказать, что, *возможно*, какая-то сопутствующая причина упущена из виду. В таком контексте применение постулатов Коха всегда приводило к тому, что в итоге не выделялась ни одна причина заболевания. Только в контексте микробной теории как института постулаты способны отделить то, что считается строгим доказательством, от того,

что, наоборот, должно быть отвергнуто как результат небрежной аргументации⁵⁹.

Было бы вполне разумным подозревать Коха в непоследовательности или в том, что он изменил свое мнение, не признав этого. Для релятивиста здесь важно то, что такая оценка может быть сделана, только когда мы установили фон, на котором можно опознать его мысли. Поэтому целью будет не доказательство «невиновности» Коха, как думает Латур. Нет такой задачи или предпосылки. Суть состоит в том, что логическое содержание аргумента, высказывания или представления, то есть предпосылки таких свойств, как последовательность и непротиворечивость либо непоследовательность и противоречивость, нельзя сделать предметом рассмотрения и тем более оценки, пока оно не соотносено с их социальным контекстом⁶⁰.

8. Сходства и различия

Многое из «нового» подхода Латура — это попросту туманное переложение идей, уже предлагавшихся социологами знания. Например, Латур настаивает на том, что нужно позволить актерам «самим определять себя». По меньшей мере в некоторых интерпретациях этот тезис уже давно принят социологами знания. Можно сказать, что «сильная программа» усвоила этот подход и предостерегает исследователей от разделения агентов на две оценочные категории: тех, кто придерживается считаемых истинными представлений о чем-то, и тех, кто их не принимает. Такое разделение действительно *не* позволило бы актерам «самим опре-

59. Примечательно, что, когда микробная теория болезней стала теорией по умолчанию, практический уровень приемлемых доказательств явно перестал отвечать постулатам Коха (см.: *Evans R. J. Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years 1830–1910.* Harmondsworth: Penguin, 1987). Насколько их выполнение необходимо, все еще обсуждается, как можно увидеть из современных споров о СПИДе (см., напр.: *Cohen J. Fulfilling Koch's Postulates // Science.* 1994. Vol. 266. P. 1647). Я хотел бы благодарить Хэнка ван ден Белта за то, что он обратил мое внимание на эти работы.

60. Этот пример основан на двух работах Коделла Картера: *Carter K. C. Op. cit.; Idem. Koch's Postulates in Relation to the Work of Jacob Henle and Edwin Klebs // Medical History.* 1985. Vol. 29. P. 353–374. Поскольку я использую этот материал, чтобы выдвинуть общий тезис о методологии, я, естественно, не пытался воспроизвести исторические подробности. Читатель этих замечательных работ обнаружит, что чем более подробно рассмотрение, тем сильнее методологический тезис.

делять себя», поскольку с ним мы бы навязывали им свою оценку их ситуации. Но именно это и запрещает принцип симметрии.

Опять же, Латур не хочет допускать, что «интересы окажутся устойчивыми или что у групп есть четкие цели»⁶¹. Прекрасно, но ни один социолог знания и не обязан это допускать. Постоянны ли интересы, артикулированы ли цели — все это предмет эмпирического исследования, так считает и сам Латур. Хотя он справедливо не *допускает* стабильность интересов, он определенно считает, что некоторые из них устойчивы, что мы можем видеть на примере его высказываний о гигиенистах (например, комментарий о «нескольких поколениях»⁶²). Точно так же Латур не хочет утверждать, что интересы Пастера «соответствовали» интересам гигиенистов, но говорит о «простом пространстве для *переговоров* о значении заражения»⁶³. Есть ли здесь проблема для социолога? Должны ли мы думать, что социологи не знакомы с идеей переговоров? Неужели идее переговоров нет места в описании интересов? Очевидно, что это не так⁶⁴. Это просто неприязненная характеристика социологического предприятия, назначение которой — усилить впечатление, будто оно отличается от подхода Лагура.

Латур не всегда туманно излагает идеи социологов. Одно из различий между ними связано с отношением между исследователем и сложившимися корпусами научного знания. Вот в чем проблема. Социолог стремится выявить конвенциональные аспекты знания. Если что-то конвенционально, значит, в принципе должна существовать пригодная альтернатива. Езда по определенной стороне дороги конвенциональна, потому что мы могли бы ездить и по другой стороне. Учитывая, что мы ездим по одной стороне, изменение этой конвенции может быть дорогостоящим и непрактичным, но это не лишает данную практику конвенционального характера. Продемонстрировать конвенциональные компоненты знания — показать, что оно могло быть иным, и это не нарушало бы нормальное функционирование человеческого мозга. Такая альтернатива может быть дорогостоящей, но это не главное. Главное, что она должна быть рационально возможной. Трудности могут возникнуть при работе с самым актуаль-

61. Латур Б. Пастер. С. 105.

62. Там же.

63. Там же. С. 55.

64. См.: *Shapin S. History of Science and Its Sociological Reconstructions // History of Science. 1982. Vol. 20. P. 157–211.*

ным и очень эзотеричным знанием, которое в данный момент определяет консенсус среди экспертов. В таком случае найти альтернативы нелегко. Чтобы их создать, придется обыграть экспертов на их поле. Это может быть практически невозможно. Любая предложенная альтернатива, скорее всего, будет убедительно отклонена экспертами как неадекватная или ошибочная. Не будет никакой известной альтернативы, кроме ошибки, поэтому будет невозможно показать конвенциональный характер знания. В этой ситуации будет заманчиво решить, что социологический подход натолкнулся на свои пределы, причем не только практические, но также теоретические и логические. Мы можем счесть, что исследуемое экспертное знание не может существенным образом зависеть от конвенции. Оно должно непосредственно соответствовать действительности, потому что факты этой ситуации не оставляют нам альтернатив.

В этих условиях сторонник «сильной программы» должен быть стойким: ему следует вернуться к основным принципам релятивизма. Вполне возможно, что система знания в значительной степени зависит от конвенции, которую мы в данном случае не можем непосредственно продемонстрировать. Эта неспособность может быть абсолютно случайной. Например, она может быть связана с недостатком изобретательности и творческого воображения в соответствующей области. В этом случае необходимо полагаться на индуктивные рассуждения, почерпнутые из исторических случаев. Альтернативные способы интерпретации данных легче показать при исторической дистанции. Коперник показывал нам, как данные Птолемея могли быть поняты иначе, Лавуазье предлагает альтернативу Пристли, Эйнштейн — альтернативу Ньютону, Коши и Вейерштрасс — альтернативу теории бесконечно малых Лейбница, а Робинсон показывает, что бесконечно малые все-таки возможны, и т. д. Индуктивное обобщение от таких случаев к нынешнему консенсусу показывает, что и у современных теорий будут альтернативы, пока не будут приведены убедительные доказательства, что в структуре знания внезапно произошли качественные изменения. Бесполезно критиковать социологию знания, указывая на успешность текущего знания. Это не окажется демонстрацией качественных изменений или доказательством того, что конвенциональность преодолели: принятое знание всегда работает, оно всегда добивается каких-то успехов, но только пока мы не найдем что-то, что работает лучше.

Ответ Латура на проблемы анализа авторитетных и современных систем знания отличается от описанного выше. Социологиче-

ская демонстрация конвенциональности требует, чтобы исследователь в определенном смысле знал больше, чем сами социальные акторы (как историки должны знать больше, чем исторические акторы, которых они описывают). Разумеется, на практике это может быть недостижимо. Латур же, напротив, говорит, что «аналитику не нужно знать больше»⁶⁵. Он считает, что исследователь должен занимать «релятивистскую» позицию только в периоды научных конфликтов или колебаний. В период научного консенсуса исследователи должны вести себя как «реалисты». Все потому, что цель Латура — просто следовать за учеными, сопровождать их и описывать их мнения и позиции:

Мы не пытаемся поколебать прочные основы общепризнанного научного знания. Мы — реалисты, так же как и те люди, за которыми мы следуем. <...> Но как только начинаются разногласия, мы, как и наши информанты, становимся релятивистами⁶⁶.

В реалистическом режиме исследователь должен понимать природу как причину ее достоверных описаний:

Мы не можем в данном случае быть большими релятивистами, чем сами ученые, и продолжать в одиночку отрицать очевидное. Почему? Потому что цена несогласия для обычного человека слишком высока, даже если он является социологом или историком науки. Если среди ученых царит единодушие по поводу какого-то факта, уже нет смысла продолжать разговор об интерпретациях, репрезентациях, предвзятых необъективных точках зрения. <...> Природа говорит сама за себя, факты — это факты. И точка. Ни убавить, ни прибавить⁶⁷.

Дело, однако, не в том, чтобы, как описывает Латур, пытаться «подорвать» твердость науки. Демонстрация, скажем, недостаточной детерминации (недоопределенности) теории опытными данными и конвенциональности научных понятий и выводов — это никоим образом не подрыв науки. Она может проблематизировать ряд теорий о том, что такое твердость науки, но это совсем другой вопрос. Дело и не в «отрицании свидетельства». Хотя природа может проявить себя и заговорить непосредственно со своими адептами, это явление может оказаться ложным, и оно может

65. Latour B. The Pasteurization of France. P. 10.

66. Латур Б. Наука в действии. С. 168.

67. Там же.

быть одинаково ложно в периоды стабильности и нестабильности. Прямой реализм может описывать, как все видится верящим в природу — их феноменологию. Но если нам нужно понять эту феноменологию и ее вариации, мы не можем просто принять собственное восприятие вещей агента⁶⁸. Вопреки Латуру, всегда *есть* что добавить к тому, что ученые говорят, исполняя свои профессиональные роли. Это «что» — общая модель знания. Просто неверно утверждать, что социологи не могут быть большими релятивистами, чем исследуемые ими ученые. Конечно, могут, причем не отрицая свидетельства, а привлекая в объяснение еще больше свидетельств — из истории науки, таких, которые указывают на возможность альтернативных способов понимания. Верно то, что в отдельных случаях социологи могут быть неспособны предъявить эти альтернативы, но это практическое ограничение, а не решающий фактор в обсуждении методологического принципа.

9. Субъект-объектная схема как тема и как средство исследования

Латур вводит субъект-объектную схему в ее кантовской версии и считает, что последователи «сильной программы» мало чем отличаются от закоренелых кантианцев⁶⁹. Мощная натуралистическая и социологическая переработка Дюркгеймом кантовских тем просто отмечается как не предлагающая ничего нового⁷⁰. Однако, как я сейчас покажу, натуралистическая трактовка субъект-объектной схемы заслуживает большего. Чтобы начать обсуждение, проще всего (натуралистически) заговорить о субъект-объектном отношении в индивидуалистических терминах. Рассмотрим организм, узнающий о своей среде обитания посредством каузального взаимодействия с ней. Этот процесс включает в себя как некоторую степень обособленности от окружающей среды, так и неко-

68. Возможно, когда Латур говорит о том, что он, в отличие от сторонников «сильной программы», позволяет актерам «самим определять себя», он имеет в виду следующее: если актер считает нечто истинным, то исследователь должен согласиться. Если в этом состоит значение данной фразы, тогда она действительно противоречит «сильной программе». Однако же хотелось бы отметить, что идея позволить актерам определять исследователя (для чего я не вижу никаких оснований) выходит далеко за рамки требования позволить им самим определять себя.

69. Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 278.

70. Ibid. P. 277.

торую степень вовлеченности в нее. Это активный процесс, в котором одна часть природы (субъект) взаимодействует с другой (объектом). Эти фундаментальные индивидуальные, каузальные и биологические процессы, конечно же, не производны от культуры, а, скорее, ею предполагаются. Повторюсь, к субъект-объектному разделению можно подступить через построение моделей в когнитивных науках. Размышление над тем, как компьютер может научиться взаимодействовать с простым окружением, состоящим из передвигаемых блоков, — один из способов рассмотрения базового и предзаданного субъект-объектного отношения. Так субъект-объектная схема может стать не только средством, но и темой исследования.

Как мы видели, Латур тоже хочет обратиться к фундаментальному процессу возникновения этой схемы. Таково значение точки истока в его схеме. Его подход, резко контрастирующий с только что приведенными, основывается на двух ошибках. Во-первых, Латур отвергает натурализм, поскольку считает, что тот не имеет дела с фундаментальными структурами. Мы видим результаты [такого отказа] в его обращении к туманной терминологии монад, энтелехий и тому подобного. Этого должно быть достаточно для демонстрации пагубных последствий отказа от натурализма. Во-вторых, Латур недостаточно четко различает, с одной стороны, историческое возникновение определенных (культурно обусловленных) способов понимания субъект-объектной схемы, а с другой — биологические и каузальные явления, конституирующие естественное основание этой схемы. Я бы хотел подкрепить это утверждение, процитировав его спорное толкование книги Шейпина и Шеффера «Левиафан и воздушный насос»⁷¹. Эти авторы проводят подробный исторический анализ некоторых ключевых эпизодов возникновения современного научного мировоззрения. Они описывают истоки космологии и той социальной формы, в которой вырабатывались концепции познающего субъекта, объекта и метода научного знания. Однако Латур рассматривает это как объяснение возникновения самой субъект-объектной схемы, а не одной из историко-культурных форм, которое предполагает наше понимание этой схемы как биологически обусловленной. Латур говорит нам, что работа Шейпина и Шеффера является вкладом в новую «антропологию» (в смысле Латура) знания и разъясняет «исторический исток этой философской

71. *Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life.* Princeton: Princeton University Press, 1985.

асимметрии двух полюсов», то есть историческое происхождение самой субъект-объектной схемы⁷². На самом деле ничего подобно авторы не делают, но ведь они и не собирались⁷³.

Я провожу различие между, с одной стороны, биологией и механикой индивидуального познания, а с другой — разделяемым культурным пониманием этих процессов (тем пониманием, которое так хорошо описали Шейпин и Шеффер). Законно ли обращаться к такому различию? Безусловно, критик мог бы сказать, что биоло-

72. Latour B. One More Turn After the Social Turn. P. 279.

73. В своем более подробном анализе труда Шейпина и Шеффера Латур представляет его как вклад в «антропологию» (в его собственную концепцию), однако рассматривает его как усеченную и «прерванную» попытку сделать то, что другие — здесь он упоминает Мишеля Серра — смогли сделать лучше (*Latour B. Postmodern? No, Simply Amodern!* P. 160). То, что им не удалось «продвинуться глубже», объясняется верностью авторов «тезису Эдинбургской школы о том, что в мире существует макрообщество, которое крепче и сильнее природы» (*Ibid.* P. 158). При этом не дается никакой ссылки на место, где можно найти этот «тезис». Возможно, для Латура это неявно подразумевается во всем, что говорится и не говорится. Он утверждает, что Шейпин и Шеффер, подобно всем в рамках социологического подхода, «спокойно используют слова „власть“, „интерес“, „политика“» (*Ibid.* P. 159), но относятся к ним не критически, как к данности. Почему они не деконструируют власть? Никто, говорит Латур, «еще не деконструировал его [то есть Гоббса. — Д. Б.] словарь власти, общества, группы, расчета интересов и суверенитета» (*Ibidem*). Заявления Латура ложны. Попросту неверно, что есть какой-либо тезис, утверждение, требование или практика отношения к макрообществу как чему-то более прочному, чем природа. Хотя некоторые отсылки к социальному фону или отправной точке какого-то случая, скажем научного спора, могут приниматься как само собой разумеющиеся, не существует никакого методологического обязательства вроде того, что указывает Латур. Характер работы Эдинбургской школы прямо противоположен тому, который приписывает ей Латур. Члены этой «школы» делали в точности то, чего, по словам Латура, они не делали, то есть «деконструировали» такие понятия, как власть. Книга Барри Барнса «Природа власти» (*Barnes B. The Nature of Power. Oxford: Polity Press, 1988*) была издана за два года до того, как Латур опубликовал свой текст с этим заявлением, и в ней делалось как раз то, чего он требовал. Понятие власти не принимается Барнсом как нечто само собой разумеющееся, он прослеживает разные ее формы и проявления, исследует саму природу власти. Даже ранняя работа Барнса о природе институций, опубликованная в 1983 году, подтверждает ошибочность утверждения о том, что социальные категории рассматриваются в этом подходе как непроблематичные средства. На самом деле если что и заслуживает внимания в работе школы, то это та черта, в которой Латур ей отказывает: она рассматривает общество и знание как вещи, имеющие одну и ту же природу. В конечном счете они одно и то же. Я скажу больше о значении этих идей в конце статьи.

гия и компьютерное моделирование, результаты которых привлекаются, сами являются продуктами культуры. Разве в таком случае я не замыкаю порочный круг, используя эти дисциплины как средства, в то время как мне на самом деле стоило бы относиться к ним как к темам исследования? Несмотря на видимость порочного круга и спорность, я хочу отстоять эту процедуру как правомерную часть натуралистического подхода к знанию, а также как необходимый фон для более социологических по характеру исследований. Дело в том, что «круг» подобного рода не обязательно разрушает достоверность исследования. Это просто часть того циклического пути, следуя которому всякая культура должна расти и понимать себя. Использование культурных средств, чтобы понять культуру, столь же явно присутствует в работах самого Латура, как и в работах тех, кого он критикует. Философия монад Лейбница, будучи одним из инструментов Латура, сама является продуктом культуры, причем сильно привязанным к своей эпохе⁷⁴.

Тема «круга» и рефлексивного характера самопонимания культуры возвращает нас к субъект-объектной схеме. Ранее я уже говорил о ее ограничениях. Если и есть явление, отличающееся от природы как целого и при этом способное показать нам, что значило бы выйти за пределы субъект-объектной схемы, то это функционирование самого общества. Размышляя над социальными процессами, то есть делая их объектом исследования, мы обнаруживаем, что бывают ситуации, в которых различие между субъектом и объектом исчезает. Эти процессы были обнаружены и описаны вовсе не теми, кто, как Латур, демонстрирует подозрительность по отношению к субъект-объектной схеме как таковой, а исследователем, тесно связанным с «сильной программой». В своей работе «Социальная жизнь как индукция с обратной связью»⁷⁵ и книге «Природа власти»⁷⁶ Барри Барнс проанализировал предикаты, описывающие социальные статусы, роли и институты сквозь призму их самореферентного статуса. Его основную идею можно выразить с помощью одного упрощенного примера социального института — денег. Например, мы можем сказать,

74. Круг в аргументации был бы разрушительным, если бы верификационистские теории научного знания были верны. Я считаю, что это не так. Другими словами, любой, кто принимает какую-то форму попперовского фаллибилизма, витгенштейновские взгляды на знание как укорененное в неverifiedируемых «языковых играх» или какую-либо форму прагматизма подобного рода, сможет принять и предлагаемую мной процедуру.

75. *Idem*. *Social Life as Bootstrapped Induction* // *Sociology*. 1983. Vol. 17. P. 524–545.

76. *Idem*. *The Nature of Power*.

что предикат «деньги» обозначает нечто, верно называемое деньгами, поскольку достаточное количество других людей называют это деньгами. Областью референции предиката является реальность, которая конституируется социальной практикой отсылки (референции) к ней. Пример, конечно, чрезвычайно упрощен, потому что в нем упаковано многое помимо речевого поведения. Здесь же слова «называть» и «отсылать» исчерпывают собой все формы интенциональных действий. Сделав эту оговорку, мы можем сказать, что высказывания (о деньгах) и вещь, о которой идет речь («сами» деньги), суть одно и то же. Объект референции и акты этой референции (например, действия тех, кому известен объект) — одно и то же. Взятые вместе субъект и объект дискурса становятся чем-то одним. Что применимо к институту денег, применимо и ко всем другим социальным институтам: они самореферентны и сами себя конституируют.

Интересной теоретической задачей является соединение этой модели социального института с социологической идеей о том, что *все* знание имеет характер социального института, в том числе, конечно, знание о независимой от нас реальности с независимыми от нас объектами. Задача заключается в том, чтобы соединить два процесса: один конституируется с помощью самореференции, а другой предполагает внешнюю референцию. Барнс открыл нам путь, напомнив о множестве знакомых примеров объектов, чья идентичность конституируется их использованием. Столы, стулья, кружки и соусницы, равно как и удобрения, взрывчатка, вакцины и краски, — все это реальные и внешние по отношению к нам вещи, но их идентичности определяются их ролью в жизни группы, которая создает эти идентичности посредством собственных практик. Предложение Барнса состоит в том, чтобы использовать эти случаи как модель для объектов, чья роль в нашей жизни более тонка, к примеру для электронов и микробов. Он отсылает нас к Куну и Витгенштейну как авторам, в чьих работах выражена эта идея⁷⁷. Связь между самореференцией и внешней референцией состоит в том, что последняя предполагает первую. Подлинная и непротиворечивая отсылка к внешней реальности

77. Исследование этих тем в связи с работами Витгенштейна см. в: *Bloor D. The Question of Linguistic Idealism Revisited // The Cambridge Companion to Wittgenstein / D. Stern, H. Sluga (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 354–382.* Хотя может показаться, что логика такого объяснения институтов может привести к идеалистическому объяснению знания, но, если его правильно разработать, оно будет полностью согласовываться с материалистическим подходом.

возможна только благодаря коллективной поддержке множества понятий. Такая поддержка требует нормативных принципов, регулирующих применение понятий. Другими словами, должны существовать правила, а, как утверждал Витгенштейн, правила и есть социальные институты⁷⁸.

Латуру известна книга Барнса «Природа власти», но он не находит в ней ничего интересного⁷⁹. Он рассматривает ее как анализ социальной жизни, который вытесняет вещи и объекты в область природы, как если бы это была еще одна позиция на субъективистском полюсе субъект-объектной схемы. То, что я назвал интересной теоретической задачей (соединить самореферентные процессы с внешней референцией), несомненно, показалось бы Латуру лишь очередной попыткой анализировать знание, смешивая компоненты, ассоциируемые с субъектом и с теми, что связаны с объектом. Для Латура это доказывало бы, что данный подход по-прежнему движется по кругу все той же системы допущений.

Правильный ответ таков: сторонники «сильной программы» действительно по-прежнему работают в рамках субъект-объектной схемы. Однако их аргументация не вписывается и никогда не вписывалась в очерченные Латуром рамки, в которых высокая значимость общества всегда достигается в ущерб значимости не-социальной реальности. Латур смешал две цели: субъект-объектную схему и игру определения соотношений влияния природы и общества. Он сводит их воедино, хотя на самом деле они отделены друг от друга и, как правило, разделены. Латуровская концепция «сильной программы» как игры с нулевой суммой между «природой» и «обществом» ошибочна. Действительно, в знании есть два таких компонента или фактора, но они не связаны между собой игрой с нулевой суммой, как считает это Латур. Они не ведут между собой переговоры, как на рис. 1. Нет никаких степеней зависимости знания от общества, предполагающих, что качество знания улучшается по мере уменьшения значения социального компонента. Любое знание всегда зависит от общества, поскольку, как я говорил и как доказывают исследования отдельных случаев, общество — это необходимое средство для поддержания связного познавательного отношения к миру, особенно такого отношения, которое мы принимаем в науке как нечто само собой разумеющееся⁸⁰.

78. См.: *Idem.* Wittgenstein: Rules and Institutions. L.: Routledge, 1997.

79. *Callon M., Latour B.* Don't Throw the Baby Out with the Bath School! P. 360.

80. Единственный известный мне социолог, чья позиция, возможно, соответствует схеме Латура, — это Стивен Коул (*Cole S.* Making Science. Cambridge,

10. Заключение

Латур взял на вооружение и стал распространять абсолютно ложный стереотип «сильной программы»⁸¹. Он присоединился к тем, кто настаивал на том, чтобы интерпретировать ее как разновидность идеализма, а не вид материализма (чем она на самом деле является). Он принадлежит к множеству тех, кому, подобно авторам сборника «Бегство от науки и разума»⁸², достаточно лишь увидеть словосочетание «социология знания», чтобы заклю-

МА: Harvard University Press, 1992. P. x). Подзаголовок «Между природой и обществом» отлично схватывает полярность, изображенную Латуром на горизонтальной оси (см. рис. 1). Стоит отметить, что представление Коула о «сильной программе» идентично латуровскому. Они оба совершают одну и ту же ошибку. Я критиковал методологическую позицию Коула в работе: *Bloor D. The Sociology of Scientific Knowledge // Handbook of Epistemology / I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski (eds). Dordrecht: Kluwer, 1999.*

81. Один из приемов Латура при подрыве социологического проекта — взять работу с очевидными недостатками и ограничениями и представить ее как репрезентативную или даже образцовую для этой области, а затем выдвинуть обвинения не отдельному автору, а всей традиции. Например, он критикует книгу Шерон Трэвик (*Trawick S. Beam Times and Life Times: The World of High Energy Physicists. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988*). Трэвик пишет: «Я представила объяснение того, как физики высоких энергий конструируют свой мир» (*Ibid.* P. 162), а затем утверждает, что проиллюстрировала знаменитую формулу Дюркгейма и Мосса о том, что классификация вещей воспроизводит классификацию людей (хотя ее формулировка мысли Дюркгейма (*Ibid.* P. 157) опасно близка к тому, чтобы перевернуть стрелку причинности). Это утверждение Дюркгейма проясняет, что «мир», о котором идет речь, — не просто «социальный мир» ученых, а мир природы, представленный их теориями. Латур жестко, но верно говорит, что, «несмотря на претензию на „насыщенное описание“, Трэвик не в состоянии связать содержание физики с организацией общества» (*Latour B. Postmodern? No, Simply Amodern!* P. 167). Это правда, но только потому, что в книге нет подробного описания содержания физического знания. Латур считает этот провал роковым для социологии знания или антропологии в ее обычном понимании. Боюсь, объяснение гораздо проще: данный исследователь, к сожалению, сделал из своих данных слишком смелые выводы и преувеличил значение своих открытий.
82. *Gross P., Levitt N., Lewis M. The Flight from Science and Reason. N.Y.: New York Academy of Sciences, 1996.* Этот сборник стал кульминацией так называемых научных войн. Он был направлен против широкого круга социальных критических теорий (социального конструктивизма, деконструкции, феминизма и т. д.), а также против креационистов, афроцентристов, сторонников альтернативной медицины и экосентиментализма. — *Прим. ред.*

чить: ее принципом должно быть абсурдное утверждение о том, что знание «исключительно социальное». Поэтому мы и слышим от Латура, что, согласно социологам и последователям «сильной программы», «объекты не имеют никакого значения»⁸³ и что естественные науки всего лишь порождают «произвольные конструкции, обусловленные интересами и требованиями общества *sui generis*»⁸⁴. Вопреки всему, что было сказано против подобного взгляда, он продолжает настаивать на «разоблачительном характере»⁸⁵ «сильной программы» и на том, что она пытается «развенчать» естественную науку⁸⁶. Последние двадцать лет социологи знания терпеливо пытались развеять непонимание, стоящее за такими идеями, и показать, что они неприменимы к исследованиям в их нынешнем виде. Видимо, их усилия были потрачены впустую, ведь мы вновь сталкиваемся со старыми заблуждениями. Можно было бы ожидать услышать их от плохо осведомленных критиков за пределами нашей исследовательской области, и то, что их разделяет и поддерживает в своих работах один из центральных авторов в этой области, совершенно необъяснимо.

Библиография

- Amsterdamska O. Surely You are Joking Monsieur Latour! // *Science, Technology and Human Values*. 1990. Vol. 15. P. 495–504.
- Barnes B. Social Life as Bootstrapped Induction // *Sociology*. 1983. Vol. 17. P. 524–545.
- Barnes B. *The Nature of Power*. Oxford: Polity Press, 1988.
- Barnes B., Bloor D., Henry J. *Scientific Knowledge. A Sociological Analysis*. L.; Athlone; Chicago: Chicago University Press, 1996.
- Bloor D. Anti-Latour // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1999. Vol. 30. № 1. P. 81–112.
- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. Chicago: Chicago University Press, 1976.
- Bloor D. The Question of Linguistic Idealism Revisited // *The Cambridge Companion to Wittgenstein* / D. Stern, H. Sluga (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 354–382.
- Bloor D. *The Sociology of Scientific Knowledge* // *Handbook of Epistemology* / I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski (eds). Dordrecht: Kluwer, 1999.
- Bloor D. *Wittgenstein: Rules and Institutions*. L.: Routledge, 1997.
- Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1992.

83. Latour B. We Have Never Been Modern. P. 53; Латур Б. Что такое квази-объект?

84. Ibid. P. 54–55.

85. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос*. 2002. № 5–6. С. 211–242.

86. Он же. Что такое квази-объект?

- Carter K. C. Koch's Postulates in Relation to the Work of Jacob Henle and Edwin Klebs // *Medical History*. 1985. Vol. 29. P. 353–374.
- Carter K. C. The Koch-Pasteur Dispute on Establishing the Cause of Anthrax // *Bulletin of the History of Medicine*. 1988. Vol. 62. № 1. P. 42–57.
- Cohen J. Fulfilling Koch's Postulates // *Science*. 1994. Vol. 266. № 9. P. 1647.
- Cole S. *Making Science*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Collins H., Yearley S. *Epistemological Chicken* // *Science as Practice and Culture* / A. Pickering (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 369–389.
- Durkheim E. *Pragmatism and Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Evans R. J. *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years 1830–1910*. Harmondsworth: Penguin, 1987.
- Geison G. L. Louis Pasteur // *Dictionary of Scientific Biography*. Vol. 9 / C. C. Gillispie (ed.). N.Y.: Scribner's Sons, 1974. P. 351–416.
- Gingras Y. Following Scientists Through Society? Yes, but at Arms' Length! // *Scientific Practice* / J. Z. Buchwald (ed.). Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 123–148.
- Gross P., Levitt N., Lewis M. *The Flight from Science and Reason*. N.Y.: New York Academy of Sciences, 1996.
- Haack S. Towards a Sober Sociology of Science // *The Flight from Science and Reason* / P. Gross, N. Levitt, M. Lewis (eds). N.Y.: New York Academy of Sciences, 1996. P. 259–265.
- Hesse M. *The Structure of Scientific Inference*. L.: Macmillan, 1974.
- Hudson P. S., Richens R. H. *The New Genetics in the Soviet Union*. Cambridge: School of Agriculture, Imperial Bureau of Plant Breeding and Genetics, 1949.
- Joravsky D. *The Lysenko Affair*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
- Knorr-Cetina K. Germ Warfare // *Social Studies of Science*. 1985. Vol. 15. P. 577–585.
- Kusch M. *Language as Calculus vs Language as Universal Medium. A Study in Husserl, Heidegger and Gadamer*. Dordrecht: Kluwer, 1989.
- Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid // *Common Knowledge*. 1996. Vol. 5. № 1. P. 76–91.
- Latour B. One More Turn After the Social Turn: Easing Science Studies into the Non-Modern World // *The Social Dimension of Science* / E. McMullin (ed.). Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1992. P. 272–292.
- Latour B. Postmodern? No, Simply Amodern! Steps Toward an Anthropology of Science // *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1990. Vol. 21. № 1. P. 145–171.
- Latour B. *The Pasteurization of France*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
- Latour B. *We Have Never Been Modern*. N.Y.: Harvester, 1993.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. L.: Sage, 1979.
- Laudan L. *Progress and Its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth*. L.: Routledge, 1977.
- Medvedev Z. *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. N.Y.: Columbia University Press, 1969.
- Schaffer S. The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour // *Studies in the History and Philosophy of Science*. 1991. Vol. 22. P. 174–192.
- Shapin S. Following Scientists Around // *Social Studies of Science*. 1988. Vol. 18. P. 533–550.

- Shapin S. History of Science and Its Sociological Reconstructions // History of Science. 1982. Vol. 20. P. 157–211.
- Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Sturdy S. The Germs of a New Enlightenment // Studies in the History and Philosophy of Science. 1991. Vol. 22. P. 163–173.
- Traweek S. Beam Times and Life Times: The World of High Energy Physicists. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
- Tugendhat E. Self-Consciousness and Self-Determination. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- Van den Belt H. How to Critically Follow the Agricultural Technoscientist: Kloppenburg versus Latour // Agrarian Questions: The Politics of Farming anno 1995. Proceedings. Vol. 1 / The Agrarian Questions Organisation Committee (eds). The Netherlands: Wageningen, 1995. P. 43–53.
- Блур Д. Определение релятивизма // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30. № 4. С. 16–31.
- Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / Под ред. Б. Р. Грязнова, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.
- Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6. С. 211–242.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.
- Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.
- Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.
- Латур Б. Что такое квази-объект? // Сигма. 08.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.

ANTI-LATOUR

DAVID BLOOR. Emeritus Professor, d.bloor@ed.ac.uk.
School of Social and Political Science (SSPS), University of Edinburgh (UoE),
15a George sq., Edinburgh EH8 9LD, UK.

Keywords: social constructivism; sociology of knowledge; Strong Program; actor-network theory.

This article is dedicated to the defense of the Strong Program in the sociology of knowledge and to a discussion of several related epistemological problems. The author responds to Bruno Latour's critique of the subject/object scheme and the symmetry principle. He argues that the Strong Program is a naturalistic and causal enterprise, and it treats knowledge as an institutionalized collection of beliefs, that are considered to be either true or false. Latour's misunderstanding of that fact is said to be the basis for his main critical argument against the symmetry principle. His understanding of nature is akin to naive or direct realism, and his arguments for the autonomy of non-human actors are built upon metaphysical claims, which in turn are just generalized historical facts (namely, facts about Pasteur's laboratory and his followers).

In the second part of the paper, the author compares the methodological principles of Latour's actor-network theory and the Strong Program, and concludes that Latour's terminology is extremely obscure and unreliable. Despite his usage of philosophical concepts of "monads" and "entelechies," he still describes social links, practices, and specific historical activities, and interests, which don't distinguish him from sociologists who adopted the methodology of the Strong Program. In conclusion, the author describes Latour's position as uncritical (towards the claims and arguments of the actors themselves), and essentially as a step backwards for modern sociology.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-85-131

References

- Amsterdamska O. Surely You are Joking Monsieur Latour! *Science, Technology and Human Values*, 1990, vol. 15, pp. 495–504.
- Barnes B. Social Life as Bootstrapped Induction. *Sociology*, 1983, vol. 17, pp. 524–545.
- Barnes B. *The Nature of Power*, Oxford, Polity Press, 1988.
- Barnes B., Bloor D., Henry J. *Scientific Knowledge. A Sociological Analysis*, London, Athlone, Chicago, Chicago University Press, 1996.
- Bloor D. Anti-Latour. *Studies in History and Philosophy of Science*, 1999, vol. 30, no. 1, pp. 81–112.
- Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*, Chicago, Chicago University Press, 1976.
- Bloor D. Opređenje relativizma [Definition of Relativism]. *Epistemologija i filozofija nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2011, vol. 30, no. 4, pp. 16–31.
- Bloor D. The Question of Linguistic Idealism Revisited. *The Cambridge Companion to Wittgenstein* (eds D. Stern, H. Sluga), Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 354–382.
- Bloor D. The Sociology of Scientific Knowledge. *Handbook of Epistemology* (eds I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski), Dordrecht, Kluwer, 1999.
- Bloor D. *Wittgenstein: Rules and Institutions*, London, Routledge, 1997.
- Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! *Science as Practice and Culture* (ed. A. Pickering), Chicago, Chicago University Press, 1992.

- Carter K. C. Koch's Postulates in Relation to the Work of Jacob Henle and Edwin Klebs. *Medical History*, 1985, vol. 29, pp. 353–374.
- Carter K. C. The Koch-Pasteur Dispute on Establishing the Cause of Anthrax. *Bulletin of the History of Medicine*, 1988, vol. 62, no. 1, pp. 42–57.
- Cohen J. Fulfilling Koch's Postulates. *Science*, 1994, vol. 266, no. 9, pp. 1647.
- Cole S. *Making Science*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1992.
- Collins H., Yearley S. Epistemological Chicken. *Science as Practice and Culture* (ed. A. Pickering), Chicago, Chicago University Press, 1992, pp. 369–389.
- Durkheim E. *Pragmatism and Sociology*, Cambridge, Cambridge University Press, 1983.
- Evans R. J. *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years 1830–1910*, Harmondsworth, Penguin, 1987.
- Geison G. L. Louis Pasteur. *Dictionary of Scientific Biography. Vol. 9* (ed. C. C. Gillispie), New York, Scribner's Sons, 1974, pp. 351–416.
- Gingras Y. Following Scientists Through Society? Yes, but at Arms' Length! *Scientific Practice* (ed. J. Z. Buchwald), Chicago, Chicago University Press, 1995, pp. 123–148.
- Gross P., Levitt N., Lewis M. *The Flight from Science and Reason*, New York, New York Academy of Sciences, 1996.
- Haack S. Towards a Sober Sociology of Science. *The Flight from Science and Reason* (eds P. Gross, N. Levitt, M. Lewis), New York, New York Academy of Sciences, 1996, pp. 259–265.
- Hesse M. *The Structure of Scientific Inference*, London, Macmillan, 1974.
- Hudson P. S., Richens R. H. *The New Genetics in the Soviet Union*, Cambridge, School of Agriculture, Imperial Bureau of Plant Breeding and Genetics, 1949.
- Joravsky D. *The Lysenko Affair*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1970.
- Knorr-Cetina K. Germ Warfare. *Social Studies of Science*, 1985, vol. 15, pp. 577–585.
- Kusch M. *Language as Calculus vs Language as Universal Medium. A Study in Husserl, Heidegger and Gadamer*, Dordrecht, Kluwer, 1989.
- Lakatos I. Istoriia nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii [History of Science and Its Rational Reconstructions]. *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki* [Structure and Development of Science. From Boston Studies in the Philosophy of Science] (eds B. P. Griaznov, V. N. Sadovskii), Moscow, Progress, 1978, pp. 203–269.
- Latour B. Chto takoe kvazi-ob'ekt? [What Is a Quasi-Object?]. *Syigma*, June 8, 2015. Available at: <http://syg.ma/@alieksandr-14/bruno-latur-o-kvazi-obiektakh>.
- Latour B. Daite mne laboratoriiu, i ia perevernu mir [Give Me a Laboratory and I will Raise the World]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5–6, pp. 211–242.
- Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid. *Common Knowledge*, 1996, vol. 5, no. 1, pp. 76–91.
- Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Latour B. One More Turn After the Social Turn: Easing Science Studies into the Non-Modern World. *The Social Dimension of Science* (ed. E. McMullin), Notre Dame, IN, University of Notre Dame Press, 1992, pp. 272–292.

- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: Guerre et paix des microbes, suivi de "Irréductions"], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2015.
- Latour B. Postmodern? No, Simply Amodern! Steps Toward an Anthropology of Science. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1990, vol. 21, no. 1, pp. 145–171.
- Latour B. *The Pasteurization of France*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1988.
- Latour B. *We Have Never Been Modern*, New York, Harvester, 1993.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*, London, Sage, 1979.
- Laudan L. *Progress and Its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth*, London, Routledge, 1977.
- Medvedev Z. *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, New York, Columbia University Press, 1969.
- Schaffer S. The Eighteenth Brumaire of Bruno Latour. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1991, vol. 22, pp. 174–192.
- Shapin S. Following Scientists Around. *Social Studies of Science*, 1988, vol. 18, pp. 533–550.
- Shapin S. History of Science and Its Sociological Reconstructions. *History of Science*, 1982, vol. 20, pp. 157–211.
- Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life*, Princeton, Princeton University Press, 1985.
- Sturdy S. The Germs of a New Enlightenment. *Studies in the History and Philosophy of Science*, 1991, vol. 22, pp. 163–173.
- Traweek S. *Beam Times and Life Times: The World of High Energy Physicists*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1988.
- Tugendhat E. *Self-Consciousness and Self-Determination*, Cambridge, MA, MIT Press, 1986.
- Van den Belt H. How to Critically Follow the Agricultural Technoscientist: Kloppenburg versus Latour. *Agrarian Questions: The Politics of Farming anno 1995. Proceedings*. Vol. 1 (eds The Agrarian Questions Organisation Committee), The Netherlands, Wageningen, 1995, pp. 43–53.